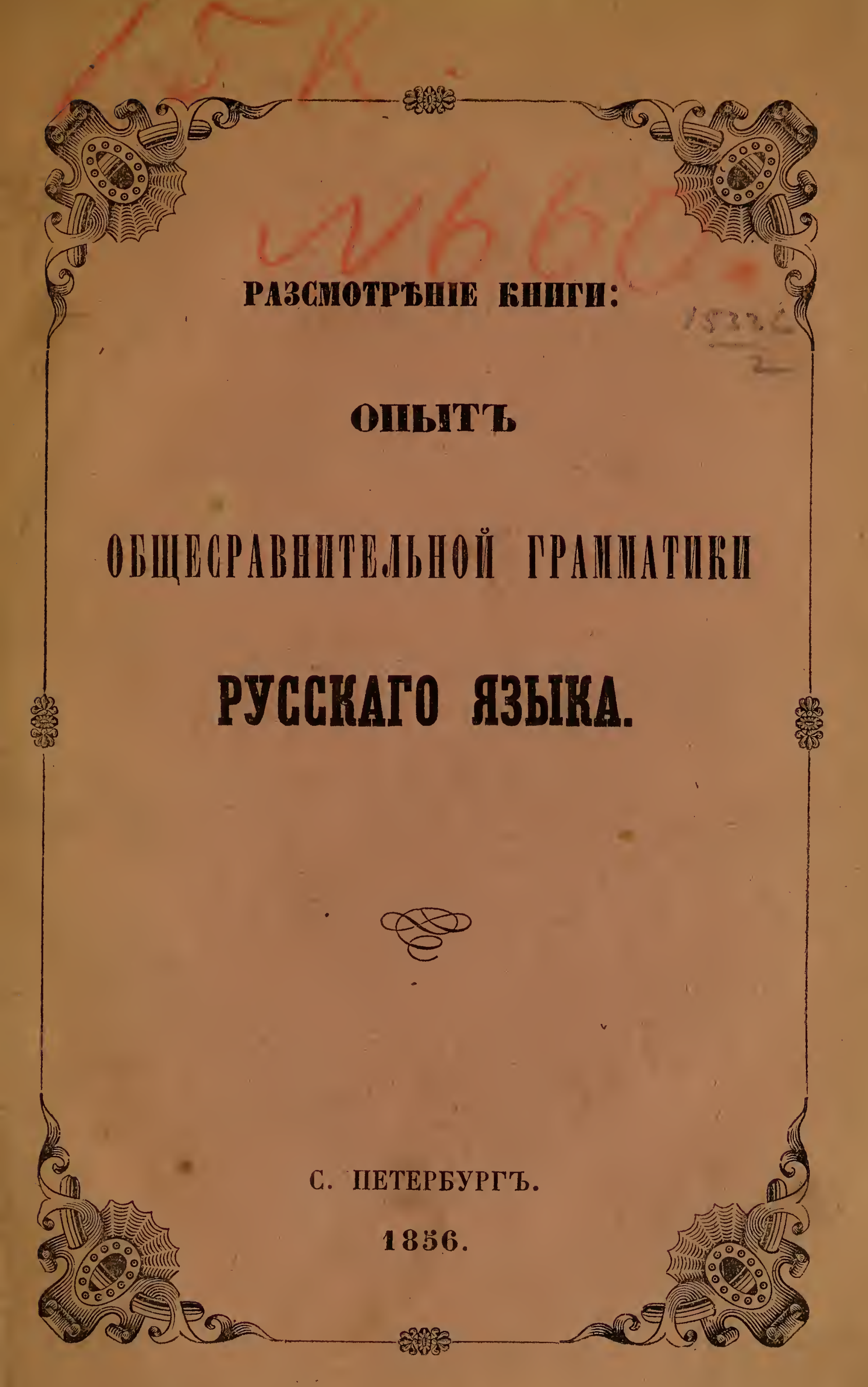

РАЗСМОТРѢНІЕ КНИГИ:

ОПЫТЪ ОБЩЕСРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

Grech, Nikolai

РАЗСМОТРѢНІЕ КНИГИ:

ОПЫТЪ ОБЩЕСРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ РУССКАГО ЯЗЫКА,

ИЗДАННЫЙ

Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ.

Изданіе третіе. Спб. 1854. Въ б. 8, LXI и 512 стр.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Н. Греча.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобъ по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 1-го Августа 1856 года. Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

При составленіи Разсмотрѣнія Общесравнительной Грамматики Русскаго Языка принужденъ я былъ нѣсколько разъ говорить о самомъ себѣ, и ссылаться на книги, изданныя мною. По этой причинѣ казалось мнѣ приличнымъ явиться предъ читателями, на сей разъ, псевдонимомъ. Но, раздумавъ потомъ, что грамматики, на которыя я долженъ ссылаться, написаны мною задолго предъ симъ, когда я былъ совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, который я нынѣ, рѣшился я сбросить прозрачную впрочемъ маску, и подписать свое имя подъ мнѣніями и сужденіями, высказанными мною по убѣжденію и крайнему разумѣнію. Если позволено писателю, въ предисловіи къ издаваемой имъ книгѣ, объявлять публикѣ, что онъ представляетъ ей сочиненіе образцовое, классическое, какого дотолѣ не бывало, почему же мнѣ не сказать: вотъ что я написалъ за тридцать лѣтъ предъ симъ!

Николай Гречъ

24-го Іюня 1856.

Вотъ третье изданіе книги, сочиненной Академикомъ Иваномъ Ивановичемъ Давыдовымъ, книги, важной по своему предмету, замѣчательной по изложенію, а донынѣ не упомянуто о ней надлежащимъ образомъ ни въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. Что бы это значило? То ли, что книга эта, по безусловному своему совершенству, выше всякой похвалы, или—что она не стоитъ критики? Авторъ ея, по справедливости, можетъ сказать:

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité!

Принимаясь дать объ этой книгѣ отчетъ и самому себѣ, и читателямъ моимъ, скажу, что я, при разборѣ Общесравнительной Грамматики, имѣлъ цѣль двоякую: во-первыхъ, обсудить ея содержаніе и изложеніе, и во-вторыхъ, вступиться за грамматиковъ нашихъ, подвергшихся въ ней осужденію, которое мнѣ кажется несправедливымъ. При этомъ долженъ я предварить моихъ читателей, что придерживаюсь, въ изученіи и употребленіи Русскаго Языка, преимущественно книгъ, изданныхъ Н. И. Гречемъ. Я былъ въ молодости ученикомъ его въ одномъ изъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній, потомъ нѣсколько лѣтъ преподавалъ Русскій Языкъ по его руководствамъ, и наконецъ, оставивъ учебную и всякую другую службу, нахожу удовольствіе въ по-

втореніи прежняго, пройденнаго мною, въ изученіи и изслѣдованіи разныхъ нашихъ грамматикъ, но, признаюсь въ слабости и пристрастіи, всегда придерживаюсь системы и правилъ моего перваго наставника, боясь уподобиться тѣмъ, которые, накушавшись вишень, бросаютъ въ дерево косточками.

Въ разсматриваемой мною книгѣ должно различать двѣ части ея: во-первыхъ, собственную грамматику; во-вторыхъ, *предисловіе*, которымъ авторъ объясняетъ и дополняетъ свой трудъ, уже напечатанное въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ (въ томѣ III, нум. 8 и 9, на 113 — 124 стр.).

Начнемъ съ предисловія. Въ немъ особенно достойны вниманія исторія Русской Грамматики и оцѣнка разныхъ о ней твореній. Авторъ говоритъ (на стр. XIX): «Со «времени изданія Грамматики Ломоносова, преобразова-«теля Русскаго Языка и творца Русской Грамматики, «мы находимъ три различныя направленія въ изученіи «отечественнаго языка: учебное, критическое и ученое. «Въ грамматикахъ перваго рода излагаются правила «грамматическія безъ изслѣдованія происхожденія формъ: «онѣ ограничиваются употребленіемъ ихъ въ рѣчи. «Второй родъ представляетъ критическое и подробное «*перечисленіе* * правилъ Русскаго Языка; но многія изъ «этихъ правилъ излишни для Русскихъ, нѣкоторыя при-«годны только учащимъ, и *всѣ* нуждаются въ основа-«ніяхъ логическихъ и историческихъ. Наконецъ, къ «третьему роду принадлежатъ грамматическія сочине-«нія, опирающіяся *на на*чала общей грамматики и на срав-«неніе съ соплеменными языками. Первое направленіе «начинается сочиненіемъ Ломоносова: *Россійская Грам-*

* Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать *исчисленіе*.

«*матика*, Спб. 1755; второе (,) изслѣдованіями о «языкѣ бывшей Россійской Академіи; третье (,) Вто«рымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ и *Филологическими* «*Наблюденіями надъ составомъ Русскаго Языка Прото*«*іерея Павскаго*, явившимися въ свѣтъ въ 1842 году.»

Это распредѣленіе исторіи Русской Грамматики по эпохамъ и періодамъ, весьма замѣчательно. О Ломоносовѣ не скажу ни слова: онъ заслуживаетъ уваженіе, благодарность, удивленіе потомства, и по справедливости поставленъ въ главѣ нашихъ грамматиковъ. Любопытно узнать, какія *грамматическія изслѣдованія* изданы были бывшею Россійскою Академіею: мы знаемъ ея Словарь, знаемъ Грамматику, изданную впервые въ 1802-мъ году, но ни о какихъ изслѣдованіяхъ ея не слыхали. Изданныя ею *Изслѣдованія А. С. Шишкова* были не грамматическія: они ограничивались одностороннимъ изысканіемъ корней русскихъ словъ, и не имѣли ни малѣйшаго вліянія на ходъ нашихъ грамматикъ. Въ какихъ же грамматикахъ нашелъ почтенный авторъ «Опыта» «*критическое и подробное перечи*«*сленіе грамматическихъ правилъ безъ изслѣдованія* «*происхожденія формъ*» (чего?): «*онѣ*» (грамматики, «правила или формы?) говоритъ онъ, «ограничиваются «употребленіемъ ихъ въ рѣчи.» Къ тому должно еще прибавить, что изъ сужденій о достоинствѣ сочиненій втораго періода явствуетъ мнѣніе автора, будто эти грамматики не были основаны на началахъ грамматики общей. Засимъ авторъ исчисляетъ довольно вѣрно всѣ грамматики, вышедшія послѣ Ломоносова, и ни объ одной изъ нихъ не отзывается съ порицаніемъ, кромѣ двухъ послѣднихъ: Греча и Востокова. Послѣ нѣсколькихъ комплиментовъ авторамъ, говоритъ онъ: «Если бы

«грамматики *знаменитыхъ филологовъ* нашихъ имѣли «болѣе въ виду учащихся родному языку, съ дѣтства «изучаемому, не ограничивались *бы* (sic!) однимъ книж-«нымъ языкомъ, вездѣ полагали *бы* (sic!) въ основаніе «законы логическіе, объясняли *бы* (sic!) особенности «Русскаго Языка сравненіемъ съ соплеменными языка-«ми, то онѣ предупредили бы грамматики Беккера, Ма-«гера, Вурста.» Такъ вотъ тѣ несчастныя грамматики, въ которыхъ *многія правила излишни для Русскихъ, нѣкоторыя пригодны только учащимъ, и всѣ нуждаются въ основаніяхъ логическихъ и историческихъ*, да къ тому *не имѣютъ основаніемъ началъ грамматики общей*. Справедливъ ли приговоръ? Разберемъ эти обвиненія по частямъ, замѣтивъ предварительно, что сочиненія Греча и Востокова суть учебники, то есть руководства для учащихъ и учащихся, а не философскія и не историческія изслѣдованія языка.

1. *Почему ограничиваются эти грамматики языкомъ книжнымъ?* Потому, что грамматика должна выучить насъ правильно *писать*, а пишутъ языкомъ книжнымъ. Самое слово *грамматика* (отъ словъ γράμμα, буква, письмо, γράφω, пишу) выражаетъ обученіе письму. Говорить учится ребенокъ механически, по внушенію слуха и инстинкта; писать же учится по указаніямъ грамматики. Учась писать, онъ узнаетъ и правила говорить языкомъ не площаднымъ, не провинціяльнымъ, а употребляемымъ въ благовоспитанномъ обществѣ, и болѣе или менѣе основаннымъ на книжномъ. Карамзинъ сказалъ: «Иностранцы твердятъ: пиши, какъ говорятъ, а у насъ должно сказать: говори такъ, какъ напишетъ человѣкъ со вкусомъ.» Всѣ грамматики въ мірѣ ограничиваются языкомъ

книжнымъ, кромѣ специяльныхъ грамматикъ нарѣчій, не пріобрѣтшихъ еще правъ самобытнаго языка, или языковъ безграмотныхъ, напримѣръ, Готтентотскаго, Якутскаго и пр. Да и выучитъ ли грамматика устному языку? дастъ ли она возможность постигнуть всѣ его особенности, тонкости, и пр.? И самый грамотный уроженецъ петербургскій долженъ уступить въ этомъ случаѣ полуграмотному Москвичу. Замѣчу еще: если въ Русской Грамматикѣ станутъ излагать правила не общаго, книжнаго языка, она должна будетъ измѣняться въ каждой губерніи по требованіямъ мѣстнаго нарѣчія.

2. *Должно имѣть въ виду учащихся родному языку, съ дѣтства изучаемому*. Не стану придираться къ сбивчивости этой фразы, и постараюсь понять ее. Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что въ Грамматикахъ Греча и Востокова напрасно излагаютъ правила, извѣстныя русскому человѣку и даже ребенку по навыку. Если бъ дѣло шло объ одной устной рѣчи, мы согласились бы съ симъ замѣчаніемъ: «говори-де, Митрофанушка, какъ говоритъ нянюшка твоя Еремѣевна, и портной Тришка,» но, при обученіи грамматикѣ, главное дѣло состоитъ въ *письменномъ* употребленіи языка, а этому навыкомъ не научишься. И самый смѣтливый лавочникъ пишетъ какъ лавочникъ.

3. *Должно полагать вездѣ въ основаніе законы логическіе*. Логика должна быть въ головѣ сочинителя грамматики, и въ головѣ учителя, а не на листахъ учебника. Прилагать строгія правила логики къ употребленію способности, дѣйствующей по неразгаданнымъ еще законамъ психологіи, то же, что основывать изученіе живой природы на законахъ чистой математики.

По какой логикѣ, напримѣръ, говорятъ: *пошелъ!* вмѣсто: *иди*, или *ступай!* По какой логикѣ предлогъ *по* сочиняется иногда съ падежемъ именительнымъ: *въ домахъ было по два мужика?* По какой логикѣ названія женщины, въ Нѣмецкомъ Языкѣ, бываютъ средняго рода: das Weib, das Frauenzimmer, das Mensch? Логика, при составленіи учебной книги, предписываетъ: выводить одно правило изъ другаго въ непрерывной цѣпи; не употреблять ни какого техническаго слова, которое прежде того не было опредѣлено и истолковано; распредѣлять разныя буквы, слова, предложенія по отдѣламъ только тогда, когда изъ этого распредѣленія можно вывести какое либо правило; давать опредѣленія полныя, краткія, рѣшительныя. Не лишнимъ было бы, если бъ авторъ «Опыта» показалъ, въ какихъ именно случаяхъ цѣнимыя имъ грамматики грѣшатъ противъ логики.

4. *Слѣдуетъ объяснять особенности Русскаго Языка сравненіемъ съ соплеменными языками.* Книги, о которыхъ идетъ рѣчь, суть преимущественно учебныя, предназначенныя для дѣтей, не знающихъ еще ни какого иностраннаго языка. И что значитъ сравненіе съ языками *соплеменными?* Съ Польскимъ, Богемскимъ, Сербскимъ? Нѣтъ! Должно довольствоваться тѣмъ, чтобъ ученикъ понялъ свою, Русскую Грамматику, и не слѣдуетъ сбивать его излишними посторонностями. Учитель можетъ, для объясненія нѣкоторыхъ свойствъ Русскаго Языка, прибѣгать къ примѣрамъ изъ самыхъ употребительныхъ у насъ иностранныхъ языковъ, Французскаго и Нѣмецкаго, какъ напримѣръ сдѣлано въ Руководствѣ Греча, на стр. 162 и 298 (перв. изданія 1851 г.). Впрочемъ въ Подробной его Грамматикѣ (втор. изд.

1830 г.) вы найдсте сравненіе именъ числительныхъ, мѣстоименій, глагола существительнаго съ тѣми же частями рѣчи въ Языкахъ Нѣмецкомъ, Готскомъ, Латинскомъ, Греческомъ и даже Санскритскомъ. Это сравненіе сдѣлано было за тридцать лѣтъ предъ симъ, когда Санскритскій Языкъ еще не былъ у насъ ***повальнымъ***.

5. *Онѣ* (грамматики Греча и Востокова) ***предупредили бы грамматики Беккера***, ***Магера***, ***Вурста***. Можно ли предупредить какой либо случай, о которомъ не имѣешь ни какого понятія? Два человѣка домогаются мѣста, ***извѣстнаго*** имъ, и одинъ старается ***предупредить*** другаго, это понятно; но можетъ ли русскій писатель ***предупредить*** изданіе какой либо книги въ Германіи, не зная, пишетъ ли ее кто нибудь? Вообще считаю не лишнимъ коснуться въ семъ случаѣ слѣпаго подражанія нѣкоторыхъ нашихъ филологовъ новѣйшимъ грамматикамъ нѣмецкимъ. При составленіи грамматикъ принимаютъ у насъ за образецъ преимущественно книги французскія или нѣмецкія. Вѣтряные, легкомысленные Французы удивительно постоянны въ своихъ ученыхъ и литературныхъ системахъ. Возьмите Грамматику Поръ-Рояля (перв. изд. въ 1660 г.) и любую изъ грамматикъ XIX вѣка: вы найдете въ нихъ разногласія, произведенныя измѣненіями и успѣхами языка, но главное, устройство, порядокъ, метода, раздѣленіе, все прежнее. Въ Германіе иное. Всякій школьный учитель, въ какомъ нибудь Кревинклѣ или Вадуцѣ, сочиняетъ свою собственную грамматику, ломаетъ языкъ, вымышляетъ новыя правила, новые термины, новыя буквы, вводитъ новое правописаніе. Возьмемъ въ примѣръ знаки препинанія. Въ Аугсбургской **Allgemeine Zeitung** перестали

отдѣлять запятыми вводныя предложенія; въ недавно вышедшей біографіи одного знаменитаго министра исключены запятыя между частями сложнаго подлежащаго или сказуемаго; напримѣръ, тамъ пишутъ: «*хлѣбъ овесъ сѣно крупа задхлы гнилы дороги.*» Къ чему это повело? Къ тому, что Нѣмцы, обладая богатымъ, гибкимъ языкомъ, небрегутъ имъ: пишутъ сбивчиво, неправильно, безотчетно, испещряютъ языкъ свой ненужными иностранными словами, пренебрегаютъ правилами синтаксиса, и т. д.; въ разныхъ мѣстахъ Германіи говорятъ и пишутъ различно; нѣтъ ничего общаго, цѣлаго. А Французы дорожатъ своимъ языкомъ какъ святынею: талантами они разнятся, но правила языка у всѣхъ одни и тѣ же. И Шатобріанъ, и Поль-де-Кокъ пишутъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, тѣми же буквами, по той же орѳографіи, развѣ съ самыми ничтожными уклоненіями. Разумѣется, что, судя о германскихъ писателяхъ, я не разумѣю въ числѣ ихъ тѣхъ геніяльныхъ людей, которые открываютъ новые пути въ языкѣ и въ наукѣ. Но и эти великіе люди не освобождаются отъ *эндемическихъ* слабостей. Гриммъ употребляетъ (въ своемъ Лексиконѣ Нѣмецкаго Языка) странную, дикую орѳографію; начинаетъ періоды и имена существительныя строчными буквами; вмѣсто ss пишетъ sz, и т. п. Послѣдователь его, умный и трудолюбивый Шлейхеръ, * исключилъ и букву h, при означеніи долготы слоговъ, отринулъ двойныя буквы (онъ пишетъ: wert вм. werth, inen вм. ihnen, verwant вм. verwandt, genant вм. genannt, и т. п.). Еще разъ спрашиваю: къ чему это ведетъ? Станемъ подра-

* Въ книгѣ: die Formenlere (т. е. Formenlehre) der Kirchen-Slavischen Sprache. Bonn, 1852.

жать нѣмецкимъ писателямъ въ ихъ трудолюбіи, терпѣніи, постоянствѣ, добросовѣстности и любви къ своему предмету, но не будемъ вдаваться въ ихъ причуды, странности, педантство и мелочность. Вспомнимъ, что ясность и простота слога суть первыя его достоинства, что непонятность не есть глубокомысліе, а нагроможденіе несвязныхъ между собою оборковъ не есть ученость. Не даромъ сказалъ Гёте: «Никто не умѣетъ такъ, какъ Нѣмецъ, сдѣлать неприступною всякую науку.»

Обратимся къ распредѣленію періодовъ исторіи Русской Грамматики. Почтенный авторъ говоритъ, что «Грамматики Греча и Востокова въ продолженіе четверти столѣтія служатъ лучшимъ руководствомъ для изученія отечественнаго языка, какъ въ частномъ, такъ и въ общественномъ обученіи юношества.» Если это такъ, то справедливо было бы ознаменовать появленіемъ ихъ (въ 1827 и 1830 г.) второй періодъ исторіи Русской Грамматики. Всякій безпристрастный наблюдатель найдетъ, что эти грамматики пояснили, облегчили и утвердили обученіе Русскому Языку, и превзошли все, что было издано дотолѣ. Онѣ не были рабскими копіями прежнихъ учебниковъ; онѣ проложили новые пути, съ которыхъ не сбиты и понынѣ. Въ Грамматикѣ Греча (упоминаю о ней, потому что она вышла прежде книги Востокова) приведена въ систематическій порядокъ наша азбука, показаны истинное свойство и измѣненіе буквъ, изложены и пояснены примѣрами образованіе и измѣненіе словъ вообще и каждой части рѣчи въ особенности; склоненія и спряженія расположены ясно и вполнѣ; правописаніе установлено на вѣрныхъ началахъ, и рѣшены всѣ существовавшія дотолѣ недоразумѣнія и сомнѣнія; синтаксисъ созданъ вновь: было ли у насъ, до

изданія его Грамматики, удовлетворительное изложеніе свойства предложеній, ихъ различія, ихъ частей, ихъ соединенія въ періодъ, и т. п.? Знали ли у насъ, до 1827 года, что такое опредѣленіе и дополненіе въ предложеніи, чѣмъ отличается главное предложеніе отъ придаточнаго и вводнаго, сложное отъ простаго, что есть предложеніе придаточное существительное, прилагательное, обстоятельственное? Въ этой Грамматикѣ впервые изложены были вполнѣ и удовлетворительно правила русской конструкціи, или порядка словъ. Кажется по всему этому, что она и вскорѣ послѣдовавшая за нею Грамматика Востокова, пояснившая равномѣрно многіе пункты вопросовъ грамматическихъ, могли, скорѣе нежели несуществующія изслѣдованія Россійской Академіи, ознаменовать новую эру въ исторіи Грамматики Русской.

Между тѣмъ уступимъ автору въ одномъ отношеніи: онъ правъ въ томъ, что всѣ исчисленныя имъ, въ первыхъ двухъ періодахъ, русскія грамматики (какъ я уже замѣтилъ выше) были учебныя, практическія, а не философскія и не историческія: сочинители ихъ не вдавались далеко въ философію языка, въ историческія его событія и измѣненія, а принимали языкъ какъ готовое данное своего времени. Такъ, основою и матеріяломъ Грамматикѣ Ломоносова были тогдашніе вѣкъ и языкъ, а въ Гречевой матеріялъ взятъ изъ Карамзина. Въ третьемъ періодѣ авторъ отличаетъ, и по справедливости, *Филологическія Изслѣдованія* Протоіерея Герасима Петровича Павскаго. Охотно соглашаюсь, что книга Г. Павскаго есть драгоцѣнный подарокъ изучающимъ Русскій Языкъ, и что онъ во многомъ пояснилъ и исправилъ нашу грамматику, хотя въ книгѣ его и встрѣчаются странности, необразности и явныя ошиб-

ки. Главнымъ недостаткомъ полагаю въ немъ то, что онъ ограничивается этимологіею и орѳографіею. По моему мнѣнію, это части второстепенныя: главное въ языкѣ не слова и буквы, а складъ рѣчи, размѣщеніе словъ, образованіе и построеніе предложеній и періодовъ. Этимологія относится къ синтаксису, какъ кирпичный заводъ къ дѣлу архитектора. Въ правилахъ словопроизведенія и правописанія, кажется, немного остается сдѣлать; ошибки противъ нихъ не существенныя и легко исправляются. Синтаксисъ же требуетъ еще долгаго и основательнаго изученія; ошибки синтактическія встрѣчаются въ твореніяхъ важныхъ и ученыхъ. Такъ, напримѣръ, въ этомъ самомъ предисловіи можно замѣтить лишнее повтореніе нарѣчія *бы*, послѣ союза *если бъ* (см. выше стр. 4.). И еще, стр. XX, встрѣчается фраза: «Такъ смотрѣлъ Ломоносовъ на грамматику.» Это сказано не при наименованіи разныхъ сочиненій Ломоносова (Исторіи, Грамматики, Риторики и пр.), а при исчисленіи сочиненій разныхъ грамматиковъ. Слѣдовательно должно было сказать: «Такъ смотрѣлъ на грамматику Ломоносовъ.» Подобныя ошибки гораздо важнѣе орѳографическихъ, напр. (стр. XX, строка 2 снизу) *Г*рамматическіе (вм. *г*рамматическіе труды; (стр. XXV, 8 строка снизу) *У*ниверситетскихъ (вм. *у*ниверситетскихъ) лекцій, и т. п.

Первымъ (но не по порядку времени) твореніемъ третьяго періода, почтенный авторъ именуетъ труды Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ: подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть собственное его сочиненіе, ибо Отдѣленіе ничего другаго по части грамматики не издавало. Исчисляя всѣхъ грамматиковъ иностранныхъ, которыми пользовался при составленіи своей книги, онъ говоритъ, между прочимъ, въ заключеніе предисловія;

«Плоды изслѣдованій тогда только (то есть *только* «*тогда)* вполнѣ благотворны, когда они удовлетворяютъ «общимъ нуждамъ. Грамматика, нынѣ отпечатанная (то «есть *отпечатанная нынѣ)* третьимъ изданіемъ, излагая «правила современнаго языка, ***сводитъ ихъ въ законы.***» Что значитъ: «излагая правила современнаго языка, сводитъ ихъ въ законы?» Вѣроятно хотѣли сказать: «изыскивая свойства языка, выводитъ изъ нихъ правила или, если угодно, законы.» Законъ есть не иное что, какъ правило, которому слѣдовать *должно*, и сводить правила въ законы ровно ничего не значитъ.

Довольно о предисловіи. Пора приступить къ самой грамматикѣ.

1. Почтенный авторъ говоритъ въ своемъ предисловіи о системѣ, по которой написана его книга, слѣдующее: «Способъ моего изложенія законовъ Русскаго Языка соб-«ственно *философскій*, потому что частныя измѣненія «грамматическихъ формъ подводятся подъ общіе логи-«ческіе законы, но онъ вмѣстѣ и *историческій*, или «*сравнительный*, потому, что всѣ главныя формы русскія «сравниваются съ соотвѣтственными формами языковъ «однородныхъ и соплеменныхъ. Этимъ средствомъ я «надѣялся избѣжать односторонности философской грам-«матики, которой логическое положеніе лишено жизни, «тогда, какъ всякій живой языкъ представляетъ полный «организмъ.» Смѣю думать, что всѣ наши грамматики написаны болѣе или менѣе по законамъ логики, на сколько строгая логика необходима въ изслѣдованіи живаго организма, слѣдственно философское воззрѣніе на языкъ у насъ не новость. Впрочемъ, можетъ быть, почтенный авторъ, подъ именемъ философскаго способа изложенія, разумѣетъ что нибудь иное. Это увидимъ мы, разбирая

его книгу. Историческій способъ дѣло хорошее: онъ даетъ вѣрныя понятія о свойствахъ и измѣненіяхъ языка, и полагаетъ въ основу его правилъ вѣковыя преданія и опыты народа. Сравнительный же способъ хорошъ и полезенъ только тогда, когда даетъ средства объяснять особенности и уклоненія, рѣшать сомнѣнія въ нашемъ языкѣ, и не ограничивается голословнымъ сравненіемъ звуковъ, не ведущимъ ни къ чему. Такое сходство любопытно, но не очень важно. Затѣмъ авторъ оправдываетъ названіе своей книги *опытомъ*. Мнѣ кажется, что это заглавіе къ ней нейдетъ. Опытъ есть робкій трудъ начинателя или первый шагъ на поприщѣ неизвѣстномъ и темномъ, а о Общесравнительной Грамматикѣ сказать этого нельзя.

Замѣчательно самое заглавіе: *Общесравнительная Грамматика Русскаго Языка*. Знаю, что грамматика бываетъ или общая, излагающая свойства, общія всѣмъ языкамъ, или частная какого либо отдѣльнаго языка, но никогда еще не слыхалъ и не воображалъ, чтобъ могла существовать грамматика общая латинская, общая французская. Могутъ возразить: здѣсь разумѣется не Русская Грамматика общая, а общее сравненіе Русскаго Языка. Сравненіе съ чѣмъ? Боппъ издалъ свою *Сравнительную Грамматику* Языковъ Санскритскаго, Зендскаго, Греческаго, Латинскаго, Литовскаго, Готскаго и Нѣмецкаго, но не назвалъ ея ни общесравнительною, ни нѣмецкою.

Изложивъ систему, принятую авторомъ, долгомъ поставляю сказать о томъ, какимъ образомъ намѣренъ я разсматривать благонамѣренный трудъ его. Не вдаваясь въ глубокомысленныя изслѣдованія, постараюсь только объяснить и себѣ, и читателямъ моего разбора мнѣнія и

толкованія автора, основываясь на указаніяхъ простаго, здраваго смысла. Буду разсматривать его книгу не по тѣмъ теоріямъ и ученіямъ, которыя возникли и возникаютъ въ новыя времена. Это было бы несправедливо, ибо ни какой законъ обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ. Буду держаться роли школьнаго учителя, остановившегося, въ своемъ ученомъ образованіи, лѣтъ за двадцать предъ симъ, и прочитавшаго съ тѣхъ поръ развѣ ***Филологическія Изслѣдованія Г. Павскаго*** (1841, не 1842 г.), сочиненіе ***Объ элементахъ и формахъ Славянско-Русскаго Языка Г. Каткова*** (1845), и ***Начатки Русской Филологіи Г. Максимовича*** (1848).

2. Во введеніи излагаются составъ и образованіе языка. Оно начинается такъ: «§ 1. Слово ***язы́къ*** означаетъ «или божественный ***даръ***, посредствомъ котораго про«является въ человѣкѣ мысль и распространяются зна«нія въ родѣ человѣческомъ, или самое ***развитіе*** этого «дара, служащее выраженіемъ тому или другому народу.» Въ этомъ опредѣленіи выпущено изъ виду существенное свойство языка: проявлять или распространять мысль посредствомъ ***звуковъ голоса***. Слова: ***распространяются знанія въ родѣ человѣческомъ***, лишнія: какія знанія распространяются ***въ родѣ человѣческомъ*** Языками Готтентотскимъ, Караибскимъ, Эскимосскимъ? а эти языки точно такіе, какъ и прочіе. Что значитъ: «языкъ есть развитіе этого дара?» Не понимаю. «Всякій живой языкъ «представляетъ безпрестанно продолжающееся развитіе «врожденнаго дара (какого?), на которомъ постоянно «вѣетъ дыханіе мысли.» Что значитъ: «***дыханіе мысли, вѣющее постоянно на врожденномъ дарѣ***» (NB опредѣленномъ не вполнѣ)? Далѣе: «Если языкъ составляетъ «потребность человѣческой природы, то умственная

жизнь безъ слова не можетъ проявляться во всей полнотѣ.» Вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать: «Если бъ человѣкъ не былъ одаренъ словомъ, то не могъ бы выражать своихъ мыслей.» Безъ слова не только *во всей полнотѣ*, но и ни мало не могла бы проявиться такъ называемая умственная жизнь, да и не только умственная жизнь: нельзя было бы попросить стакана квасу. Идущія за симъ фразы суть только ненужныя амплификаціи предшествовавшаго.

3. Авторъ пишетъ далѣе, что для выраженія мыслей словомъ, и для воспріятія звуковъ, нужны голосъ и слухъ. Неоспоримо! Но гораздо любопытнѣе слѣдующее (стр. 4): «Размышляя, мы не всегда говоримъ, и «потому можно подумать, что мышленіе независимо отъ «слова; напротивъ, каждая мысль, въ умѣ представляю«щаяся, или дѣйствительно *произносится* (?), или, уже «обратившаяся въ слово, остается въ духѣ.» Авторъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать: «Не только сообщеніе человѣкомъ своей мысли другому производится посредствомъ словъ, но и самое мышленіе въ умѣ его происходитъ этимъ способомъ,» т. е. человѣкъ не можетъ представить себѣ въ умѣ ни какого понятія, не облеченнаго въ слово.

Тамъ же (§ 3.): «Если мы теперь представимъ себѣ «слово развитіемъ внутренней разумной потребности, то «получимъ понятіе о живомъ языкѣ: это способъ сооб«щенія мыслей, понятный для всѣхъ и каждаго въ одномъ «какомъ либо народѣ, потому что выражаетъ общее всему «народу воззрѣніе на природу.» Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Что значитъ: «живой языкъ выражаетъ *общее всему народу воззрѣніе на природу?*» По моему мнѣнію, равенство *воззрѣнія на природу* зависитъ не

отъ единства языка у людей, а отъ степени и сходства ихъ образованія. Напримѣръ, всѣ просвѣщенные люди знаютъ и понимаютъ систему Коперника, то есть имѣютъ въ этомъ случаѣ одно общее воззрѣніе на природу, говоря разными языками. Но знаетъ ли это простой мужикъ, хотя и говоритъ тѣмъ же языкомъ, которымъ выражаются люди, понимающіе Коперника, и пойметъ ли ихъ, когда они станутъ толковать ему о солнечной системѣ? Еще примѣръ: спросите у любаго извощика: «не правда ли, что *опытъ есть величайшая награда за минувшія опасности?*» и послушайте что онъ вамъ скажетъ. Общесравнительная Грамматика написана русскими словами, и напечатана русскими буквами, а многіе ли изъ шестидесяти милліоновъ Русскихъ поймутъ ее вполнѣ?

Такимъ образомъ авторъ продолжаетъ не объяснять, а затемнять положеніе, что языкъ есть проявленіе мысли слышимыми звуками. Все это извлечено изъ первыхъ страницъ Беккеровой книги: *Организмъ Языка*, и только размножено по правиламъ риторики.

4. Замѣчательна статья (стр. 13), въ которой авторъ говоритъ о *гармоніи* и *мелодіи* языка. Вотъ ея заключеніе: «Въ органическихъ тѣлахъ красота показываетъ правильное развитіе: такъ гармонія рѣчи показываетъ органическую стройность мыслей. Отъ гармоніи, какъ совершеннаго выраженія логической формы, «отличать должно мелодію, или пріятность звуковъ, «принадлежность фонетической стороны языка. Въ языкѣ необходимо признать первоначальную гармонію «и мелодію, равно сливающіяся, какъ сливается логическое начало съ фонетическимъ. При поступательномъ «(не при *постепенномъ* ли?) развитіи народовъ, когда

«языки образуются съ предпочтеніемъ логической или «фонстической стороны, часто гармонія беретъ перевѣсъ «надъ мелодіею. Такъ въ языкахъ, которые развивались «болѣе въ отношеніи фонетическомъ, каковы языки южные, гармонія болѣе или менѣе подчинена мелодіи. «Обратное (не *противоположное* ли?) явленіе замѣтно «въ языкахъ сѣверныхъ, въ которыхъ болѣе развита «сторона логическая.»

На это сужденіе позволяю себѣ сдѣлать скромныя замѣчанія. Слово *гармонія* принимается въ двухъ значеніяхъ. Во-первыхъ, не относительно, оно означаетъ пріятность тоновъ, благозвучіе, сладкорѣчіе; напримѣръ, говорятъ: «*гармоническіе* стихи Жуковскаго.» Французы называли Шатобріана: harmonieux vieillard.—Во-вторыхъ, относительно, въ противоположность слову *мелодія*, гармонія означаетъ согласіе, совмѣстность звуковъ, одновременность ихъ, т. е. аккордъ, состоящій изъ двухъ или болѣе сливающихся между собою тоновъ, производимыхъ въ одно и то же время. Мелодіею же называется не одновременность, а послѣдовательность звуковъ, собственный напѣвъ. Одинъ человѣкъ поетъ пѣсню, это мелодія. Два человѣка поютъ въ одно и то же время, одинъ басомъ, другой теноромъ, это гармонія. Мелодія ни мало не означаетъ пріятности звука: она можетъ быть очень непріятна, и оставаться мелодіею. Нашъ авторъ говоритъ, что гармонія показываетъ органическую стройность мыслей. Это непонятно, хотя бъ мы приняли здѣсь слово гармонія въ первомъ его неотносительномъ смыслѣ — благозвучія. Рѣчь можетъ быть весьма пріятною для слуха, и не выражать стройности мысли. И напротивъ, мысли самыя стройныя, вѣрныя могутъ быть выражены рѣчью, не имѣющею

ни какой гармоніи. Въ слѣдующей фразѣ авторъ принимаетъ слово *гармонія* во второмъ его значеніи, какъ противоположность мелодіи: «Отъ гармоніи говоритъ «онъ, какъ совершеннаго выраженія логической формы, «отличать должно мелодію, или пріятность звуковъ, «принадлежность фонетической стороны языка.» И такъ гармонія, то есть согласіе звуковъ, созвучіе, аккордъ, по его мнѣнію, есть выраженіе логической формы, а мелодія, то есть послѣдовательность звуковъ, принадлежитъ фонетической сторонѣ языка? Мнѣ кажется, что форма мысли (до проявленія ея звуками голоса) есть чисто умственная, отвлеченная, не имѣющая звука, слѣдственно не способная ни къ какой гармоніи. Мелодія же, въ устной рѣчи, безъ пѣнія, не бываетъ и быть не можетъ. Всякую мелодію можно выразить нотами. Потрудитесь взять самый сладкозвучный стихъ Тасса, Гёте, Ламартина, Пушкина, и положить его на ноты. Какая тутъ мелодія! Всѣ слѣдующіе затѣмъ выводы автора не имѣютъ ни какого значенія. Видно, онъ хотѣлъ говорить о благозвучіи языковъ, но въ этомъ нѣтъ ни мелодіи, ни гармоніи. Гармонія невозможна въ рѣчи одного отдѣльнаго человѣка: для произведенія ея нужны два голоса; мелодія же бываетъ не въ говорѣ, а въ пѣніи.

5. На стр. 15 авторъ говоритъ: «Какъ слово съ «мыслію, такъ грамматика съ логикою находятся (т. е. «*находится*) въ тѣсной связи.» То есть *должна бъ была* находиться въ связи.

6. Въ примѣчаніи къ § 10-му авторъ разсуждаетъ о красотахъ языковъ восточныхъ и Греческаго: «Выраженіе свѣжихъ чувствованій юношескаго человѣчества *дышитъ (?) райскою страною (?)* пальмъ и

«кипарисовъ.» — «Слово, подъ свѣтлымъ небомъ Ар-«кадіи, на высотахъ Олимпа, на цвѣтущихъ бере-«гахъ Алфея, излилось изъ устъ Грека, какъ цѣлое «твореніе міра, какъ живопись видимой природы, какъ «игра внутренней жизни!» Нужно ли это въ Русской Грамматикѣ? Да и могло ли все это возникнуть *на высотахъ* Олимпа, покрытыхъ снѣгомъ большую часть года?

7. Съ 17-й страницы появляется, наконецъ, *Русскій Языкъ.* Авторъ, указавъ на его сродство съ отраслію Языковъ Индо-Европейскихъ, «*куда* принадлежатъ языки Санскритскій, древній Персидскій (Зендскій и Пельви), Греческій, Латинскій, Кельтскій, Готѳо-Германскіе и Скандинавскіе, и Леттскій,» говоритъ: «Грамматика Русскаго Языка можетъ быть объясняема «лишь только въ связи съ грамматиками языковъ этой «отрасли.» И такъ должно знать и основательно знать всѣ эти языки, чтобъ зрѣло судить и толково писать о нашей грамматикѣ? Позвольте усомниться въ необходимости этого всезнанія. Можно ли повѣрить, что наши филологи знаютъ всѣ древніе и восточные языки, когда они и о общеизвѣстномъ у насъ Французскомъ Языкѣ не имѣютъ понятія? Доказательство этому найдемъ на страницѣ XXI предисловія къ Общесравнительной Грамматикѣ: тамъ называютъ грамматика *Гебелина.* Что за Гебелинъ? Оказывается, что это *Куръ де-Жебленъ* (Court de Gébelin). Это не опечатка: *Гебелина* находимъ въ этомъ же предисловіи, напечатанномъ въ №№ 8 и 9 III тома Записокъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ, на стр. 115-й. Какъ же, послѣ этого, вѣрить на слово ссылкамъ на писателей древнихъ и восточныхъ?

*

8. Вслѣдъ за указаніемъ происхожденія Языковъ Индо-Европейскихъ, авторъ предлагаетъ исчисленіе и дѣленіе Языковъ Славянскихъ, и упоминаетъ о нарѣчіяхъ Языка Русскаго. И всѣ эти дѣленія и указанія ничѣмъ не подкрѣплены и не доказаны. Какіе отличительные признаки трехъ отраслей общаго Славянскаго Языка? Ни словомъ не упомянуто даже о наружномъ различіи ихъ употребленіемъ письменъ кирилловскихъ или латинскихъ. А объ этомъ очень занимательномъ и еще далеко неисчерпанномъ предметѣ можно бъ было сказать многое. При исчисленіи элементовъ собственно Русскаго Языка, авторъ ставитъ на первомъ мѣстѣ Языкъ Церковно-Славянскій, или Старо-Славянскій, въ переводахъ книгъ священныхъ и богослужебныхъ. Нѣтъ! Русскій Языкъ существовалъ *до* перевода Священнаго Писанія и до введенія Христіанской Вѣры въ Россіи. Къ тому же Священное Писаніе переведено было не на Русскій Языкъ, а на одно изъ нарѣчій западно-славянской отрасли. По моему мнѣнію, слѣдовало бы подкрѣпить всѣ показанія о началѣ и происхожденіи языка примѣрами и доводами. Надлежало бы указать и на приращеніе языка новыми заимствованіями изъ современныхъ языковъ, и т. п. Теперь же находишь въ этой книгѣ голословное, ни на чемъ не основанное и ничѣмъ не объясненное исчисленіе разныхъ языковъ и нарѣчій.

9. Въ заключительномъ параграфѣ (§ 12) введенія авторъ оправдываетъ заглавіе своей книги: *Общесравнительная Грамматика*, но никакъ не убѣдитъ читателей, чтобъ такая грамматика могла существовать. Общая и частная грамматики имѣютъ между собою такое же различіе и соотношеніе, какъ, напримѣръ, чи-

стая математика и астрономія: послѣдняя безъ первой существовать не можетъ; слѣдуетъ ли изъ этого, чтобъ ее можно было назвать *чисто-математическою астрономіею?*

10. Вотъ мы добрались и до собственной грамматики. На 22-й стран., съ § 13, читаемъ: *Часть первая. Словопроизведеніе. Отдѣленіе 1. Словообразованіе. Глава 1. Звуки и соотвѣтствующія имъ буквы и слоги.* Въ первыхъ параграфахъ этой главы (§§ 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19,) находимъ повтореніе прежнихъ толкованій о свойствѣ языка, то есть, что одинъ человѣкъ слова выговариваетъ, а другой ихъ слушаетъ; что одному для этого нуженъ языкъ, а другому необходимы уши. Въ § 20 авторъ начинаетъ ученіе о буквахъ, т. е. о звукахъ гласныхъ и согласныхъ. Вмѣсто того, чтобъ просто сказать: «гласные звуки исходятъ изъ гортани, а согласные суть измѣненія ихъ при проходѣ ртомъ,» авторъ говоритъ: «Гласные звуки составляютъ часть «языка музыкальную; въ согласныхъ заключается часть «языка пластическая. Одни способны къ выраженію чув-«ствованій, другіе къ изображенію внѣшней природы.» Соглашаюсь, что гласные звуки, какъ междометія, могутъ выражать чувство страха, удивленія, и т. п., но какимъ образомъ буквы согласныя, разумѣется безъ гласныхъ *(брръ, скъ, фъ)*, могутъ изображать внѣшнюю природу?

11. Въ § 21 авторъ толкуетъ о *членораздѣльныхъ* звукахъ, не опредѣливъ прежде того, что такое членораздѣльные звуки.

12. О полугласныхъ буквахъ сказано: «§ 23. Сверхъ «гласныхъ и согласныхъ языкъ можетъ имѣть *полуглас-«ные* звуки и *придыханія*: Русск. *ъ, ь, й;* Лат. *h.* При-

«дыханіями называются звуки, употребляемые для облег-
«ченія выговора (т. е. произношенія) гласныхъ, каковы *в*
«въ словѣ *вострый*, *й* въ гласныхъ *ѣ*, *ю*, *я*; н. п. *ягне-*
«*нокъ* (agnus). Полугласные звуки, глухо произносимые,
«какъ наши *ъ* и *ь*, означаютъ твердое или мягкое произ-
«ношеніе согласныхъ: *былъ* и *быль*, *пылъ* и *пыль*, *столъ*
«и *столь*.» Этотъ параграфъ требуетъ многихъ поясненій.
Во-первыхъ, не видишь, которая изъ буквъ *ъ*, *ь* и *й*
есть, по мнѣнію автора, полугласная, и которая при-
дыханіе. Этотъ вопросъ разрѣшается не прежде § 30:
тамъ сказано, что *ъ* и *ь* суть полугласныя, а *й* при-
дыханіе. Во-вторыхъ, какъ попала въ Русскую Азбуку
латинская буква *h*, и какое она имѣетъ сходство съ
нашими полугласными? Онѣ суть сокращенныя глас-
ныя, а *h* выражаетъ чистое дыханіе, исходящее изъ
груди, болѣе или менѣе слышимое въ томъ или въ
другомъ языкѣ, и въ Русскомъ вовсе не существую-
щее. Въ-третьихъ, авторъ приводитъ, въ примѣръ при-
дыханій, букву *в*, не показавъ ея въ исчисленіи при-
дыханій. Эта буква отнюдь не придыханіе: она мягкая
губная буква, произносимая съ придыханіемъ. По этому
и *ф*, и *х* придыханія? Замѣчу еще, что полугласная *й*
ни мало не облегчаетъ произношенія гласной, которой
она предшествуетъ: *азъ* такъ же легко можно произно-
сить, какъ *язъ*; *усъ*, какъ *юсъ*, и т. д.

13. Съ § 24-го начинается изложеніе свойства русскихъ
буквъ, недостаточное, сбивчивое, наполненное ошибками.

Я надѣялся и ожидалъ найти въ Общесравнитель-
ной Грамматикѣ исторію нашей азбуки, сравненіе ея
если не съ греческимъ или съ прочими славянскими алфа-
витами, то, по крайней мѣрѣ, съ церковно-славянскимъ.
Ничего не бывало. Авторъ не позаботился даже исчис-

лить русскія буквы въ обыкновенномъ ихъ порядкѣ, и начинаетъ свое изложеніе азбуки такъ (§ 24): «Во «всѣхъ языкахъ число основныхъ звуковъ одно и то «же.» Что такое *основные звуки?* Какіе звуки *не* основные? Этого авторъ не объясняетъ. Возьмемъ слово *звуки* безъ прилагательнаго *основные*. Не только звуки не одни во всѣхъ языкахъ, но и нѣтъ двухъ языковъ, въ которыхъ бы они были одни и тѣ же. Есть ли у насъ нѣмецкая буква *h*, французская *u*, италіянская *j*, голландская *v*, англійская *th*? Есть ли въ языкахъ не-славянскихъ наши буквы: *ы*, *ѣ*, *л*?

14. Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе буквъ по дѣленію на гласныя, согласныя, полугласныя. Здѣсь находимъ: «А. *Гласные основные звуки: и, е, а, о, у.*» И такъ вотъ что *основные* звуки! Авторъ разумѣетъ подъ этимъ чистые гласные звуки безъ прибавленія къ нимъ *ѣрика* (*й* или *ь*). Но въ звукѣ *е* слышится въ началѣ *й* (*есть*, *еще*), слѣдственно это не чистая гласная, или, если угодно, не основная гласная буква. И почему авторъ привелъ гласныя буквы въ такомъ порядкѣ? почему отступилъ отъ порядка алфавитнаго? Такъ расположены онѣ въ Гречевой Пространной Грамматикѣ. Дѣйствительно, но тамъ (§ 89) расположены онѣ такимъ образомъ въ слѣдствіе изложенія ихъ свойствъ и взаимнаго соотношенія, а здѣсь безъ всякаго оправданія.

Въ § 26: «Изъ взаимнаго дѣйствія одной гласной съ «другою, происходятъ новыя гласныя: изъ *а і—е*, изъ *а* «*у*—о.» Дѣйствительно это сліяніе существуетъ, но только не въ Русскомъ, а во Французскомъ Языкѣ. Въ Русскомъ слѣдовало бы объяснить, какъ составились и какое свойство имѣютъ принадлежащія ему буквы *ы*, *ѣ*, а объ нихъ во всей этой книгѣ нѣтъ ни слова.

15. Въ распредѣленіи согласныхъ язычная буква *ц* показана въ числѣ мягкихъ, или тонкихъ. Нѣтъ! Она твердая, или густая, что явствуетъ изъ составныхъ частей ея (*т* и *с*): обѣ эти буквы твердыя. Соотвѣтственный буквѣ *ц* мягкій звукъ есть *дз*.

Въ § 25, при раздѣленіи согласныхъ буквъ, авторъ, исчисляя придыхательные звуки (*ф*, *х*, *ѳ*, *ш*), забылъ, что у насъ существуетъ мягкая губная буква съ придыханіемъ, а именно *в*.

16. О полугласныхъ говоритъ авторъ: «Полугласныя *ъ* и «*ь* въ древнемъ Русскомъ Языкѣ были гласными *глухими*, «а въ послѣдствіи (т. е. въ послѣдствіе) времени утра-«тили свое значеніе, сохранивши его однако въ запад-«ныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.» Спрашиваю: А что такое гласная *глухая*? Не худо было бы сказать, въ которыхъ именно славянскихъ нарѣчіяхъ, и въ какомъ видѣ эти полугласныя удержались. Говоря о полугласныхъ, авторъ не упоминаетъ о буквѣ *й*, называя ее, какъ выше замѣчено, *придыханіемъ*. Въ этомъ руководствуется онъ мнѣніемъ почтеннаго сочинителя Филологическихъ Наблюденій о Русскомъ Языкѣ, Г. П. Павскаго, съ которымъ я, въ семъ случаѣ, не согласенъ. Буква *й* есть, по моему мнѣнію, не иное что, какъ полугласная *ь* (ѣрикъ), полагаемая послѣ гласныхъ буквъ и передъ ними, и слышимая въ началѣ буквъ *я*, *ю*, *ѣ*, *е* и даже *и*, напримѣръ, въ словѣ *ихъ* (*йихъ*). Но вотъ что замѣчательно: авторъ, чрезъ нѣсколько страницъ, забываетъ что *й* у него не буква, а придыханіе, и въ правилахъ склоненій (§ 210 и слѣдующихъ) называетъ *й* буквою *полугласною*! Въ логикѣ, составляющей существенную часть философіи, именно говорится, что одна и та же

вещь, въ одно время, въ тѣхъ же обстоятельствахъ, быть и не быть не можетъ.

Вообще напрасно будемъ искать здѣсь систематическаго, общаго, яснаго изложенія свойствъ русскихъ буквъ, способа и правилъ произведенія буквъ сложныхъ (гласныхъ и согласныхъ), составленія изъ нихъ склада и т. д.

17. Въ § 28 говорится, что «отличительное свой-«ство гласныхъ буквъ состоитъ въ долготѣ и кратко-«сти, въ повышеніи и пониженіи.» Въ Русскомъ Языкѣ гласныя буквы не имѣютъ ни долготы, ни краткости: въ нихъ есть повышеніе и пониженіе голоса, производимыя удареніемъ. Да и упомянуть объ этомъ слѣдуетъ не при изложеніи свойствъ отдѣльныхъ буквъ, а въ статьѣ о составѣ *слова.* — Слово *Roma* передѣлано въ *Римъ* не по свойству Русскаго Языка, а потому что оно заимствовано у Поляковъ: они называютъ столицу Папы *Rzim.* — Слѣдовало бы показать всегдашнее, на законахъ Языка Русскаго составленное измѣненіе буквъ, а не случайное или простонародное (стр. 31 и 32): *Микита, ндравъ, страмъ, ентотъ*, и т. п.!

18. Въ § 43 сказано: «Плавныя *м, н, р, л* принимаются «также (?) за *полугласныя.* Находясь передъ гласными, «онѣ сохраняютъ свойства согласныхъ, а послѣ глас-«ныхъ часто измѣняются на (?) гласныя и полугласныя, «или придыханія. Отъ того, вм. *волкъ, писалъ*, въ иныхъ «славянскихъ нарѣчіяхъ говорятъ: *вовкъ, писавъ.*» Не говоря уже о томъ, что это измѣненіе происходитъ не въ Русскомъ Языкѣ, о которомъ идетъ рѣчь, спрошу: давно ли буква *в* сдѣлалась полугласною? Авторъ самъ ограничилъ число полугласныхъ буквами *ъ* и *ь*, и придалъ къ нимъ еще латинскую *h*. Положимъ и то, что въ другихъ Славянскихъ Языкахъ, буква *л* замѣняется

буквою *в*, но когда и гдѣ замѣняются ею *м*, *н*, *р*? Въ §44-мъ говорится: «Краткое *й* (ужъ не придыханіе, какъ этотъ знакъ былъ названъ въ §§ 23 и 30), присоединяясь «къ *другимъ гласнымъ* (слѣдственно краткое *й* есть глас«ная буква?), придаетъ имъ свое качество: потому въ *я*, «*ю*, *ѣ*, ощутительно присутствіе его въ видѣ придыханія.» Что значитъ: придаетъ буквамъ *я*, *ю*, *ѣ*, свое качество? Какое его качество? Къ буквамъ, составленымъ съ предшествующею *й*, слѣдовало бы присовокупить *е* и *йо*.

Въ § 47 авторъ говоритъ: «При сочетаніи полуглас«ныхъ буквъ съ согласными, оказывается та особен«ность, что онѣ ставятся всегда позади согласныхъ, «между тѣмъ, какъ при гласныхъ онѣ *могутъ стоять* «*и впереди* и *позади*.» Слѣдственно можно составить склады *ъа, ьы, оъ, еь?* Потомъ сказано: «Прежде (чего?), «когда въ словѣ опускалась твердая, на ея мѣстѣ по«ставлялся *ъ*, а на мѣстѣ опущенной мягкой *ь*. Отъ того «въ древнихъ рукописяхъ при согласныхъ буквахъ встрѣ«чаемъ или гласную, или полугласныя *ъ* и *ь*. Такъ, на«примѣръ, читаемъ: *правьдныхъ*, *срьдцьа*, *оусъпе*, *съниде*, «*мъного*, *никъто*, *плънъ*.» Какъ же авторъ не видитъ, что здѣсь замѣняются полугласною буквою не всѣ гласныя буквы, а только *о* и *е?* И это потому, что *ъ* есть половина *о*, а *ь* или *й* половина *и*, находящаяся и въ началѣ сложной буквы *е* *(йе)*: *е* выпускается, и остается *й*.— «Въ послѣдствіи времени, избѣгая частаго повторе«нія *ъ* и *ь*, удержали ихъ только въ окончаніи и въ «срединѣ, когда нужно показать словопроизводство и «опредѣлить выговоръ, напримѣръ въ словахъ: предъ«идущій, отъѣздъ.» Совсѣмъ не то! Нѣтъ сомнѣнія, что *ъ* и *ь* встарину произносились какъ краткія *о* и *е* или

и; потомъ онѣ исчезли въ произношеніи, и оставались только на письмѣ. Старики наши о словопроизводствѣ не хлопотали. Примѣры *(предъидущій* и *отъѣздъ)* выбраны очень неудачно. Въ первомъ *(предъидущій) ъ* и *и* составляютъ букву *ы* (о которой авторъ не знаю почему, умолчалъ совершенно), а во второмъ *ъ* означаетъ, что на мѣстѣ его находилась гласная *о: отъѣздъ* есть то же, что *отоѣздъ.*

§§ 49 и 50 удивили меня своею простотою и вѣрностью: они совершенно согласны съ §§ 20, 22 и 28 Практической Грамматики Греча, вт. изд. 1834 г.

19. Въ § 53: «Въ случаѣ труднаго для *произношенія* «*стеченія* гласныхъ вставляется между ними бѣглая «вставная согласная или придыханіе. Такъ *в*, *н вставляются* въ началѣ словъ передъ гласными: *в* передъ «*о;* напримѣръ *восемь*, вм. *осмь; н* передъ *е*, *и*, напр. «*на него* вм. *на его; за нимъ* вм. *за имъ.*» Буква, прибавляемая къ слову въ началѣ его, не *вставляется.* Вставлять значитъ ставить что либо внутрь, въ средину, напримѣръ «*вставлять зубъ.*» Буква *н* прибавляется къ мѣстоименію *его* не для облегченія произношенія, а для отличенія мѣстоименія личнаго отъ притяжательнаго; напримѣръ: «я былъ у *него*, и я былъ у *его* брата.»

Довольно о первой главѣ, обѣщавшей намъ изложить свойства звуковъ и соотвѣтствующихъ имъ буквъ и слоговъ.

20. Вторая глава (Словообразованіе) ни въ чемъ не уступаетъ первой. Въ самомъ началѣ ея (§ 62) находимъ: «Изъ слоговъ образуются слова или односложныя, «или двухсложныя, или многосложныя: *Богъ, Царь, лѣто,* «*ученіе*, и пр.» Это не такъ: слова бываютъ односложныя и многосложныя; въ числѣ послѣднихъ двухслож-

ныя, трехсложныя и пр. Скажутъ: «*Два* не значитъ *много.*» Да и *три* не очень много.

Вмѣсто выраженія *коренное слово* (Stammwort, stamen) авторъ употребляетъ слово *начало.* Отъ неопредѣлительности и обоюдности смысла этого слова происходитъ сбивчивость въ изложеніи правилъ. Въ концѣ § 61-го это слово употребляется въ обыкновенномъ своемъ значеніи (Anfang, initium): «Вспомогательныя «буквы иногда поставляются не между корнями, а въ «самомъ *началѣ*, н. п. вмѣсто *отчина* говорятъ: *вотчи*«*на.*» Въ § 63-мъ же слово это выражаетъ stamen въ слѣдующей фразѣ: «Предъ *началомъ* слова бываютъ «приставки, состоящія изъ словъ, имѣющихъ свое *начало:* «*помостъ*, *обозрѣніе*, *необозримый.*»

21. «§ 64. Окончаніями называются тѣ послѣднія «буквы, которыя опредѣляютъ слово, и относятъ его «къ извѣстному разряду словъ. Такъ въ словахъ: *зрю*, «*зрѣніе*, *зримый*, при корнѣ *зр*, окончанія суть: *ю*, «*ѣніе*, *имый.* По этимъ окончаніямъ упомянутыя слова «и причисляютъ къ глаголамъ, именамъ, причастіямъ.» Этотъ параграфъ начинается неопровержимою истиною, что послѣднія буквы составляютъ окончаніе слова, но выводъ изъ того сдѣланъ не вѣрный: слова принадлежатъ къ разнымъ частямъ рѣчи не по наружной своей формѣ, а по внутреннему своему значенію. Слова: *рукоять*, *копоть*, *печать*, *прыть* оканчиваются какъ *стоять* , *колоть*, *кричать*, *крыть*, и первыя суть существительныя, а послѣднія глаголы. И, напротивъ слово склоняемое или спрягаемое, и по перемѣнѣ окончанія (*городъ*, *города городу; бью*, *бьешь*, *бьетъ*) остается тою же частью рѣчи.

22. «§ 74. Простыя слова» (авторъ разумѣетъ подъ

симъ именемъ слова безъ приставокъ: *зрѣть, зримый, зрѣніе,* см. § 68) «имѣютъ въ Русскомъ Языкѣ ударѣніе или повышеніе голоса на одномъ какомъ либо «слогѣ.» Мнѣ кажется, что всякое многосложное слово, не только простое, но и производное, и сложное, имѣетъ удареніе на которомъ либо слогѣ: *гора́, отвѣтъ, земледѣлецъ,* и т. п. «Оно (т. е. удареніе) есть органическое выраженіе жизни мысли съ тончайшими ея «отливами.» Но въ односложныхъ словахъ нѣтъ ударенія: слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ въ нихъ не было органическаго движенія мысли съ тончайшими ея отливами? По этому правилу, односложныя слова: *Богъ, духъ, жизнь, свѣтъ, міръ,* и т. д. не выражаютъ мысли съ тончайшими ея отливами.

23. «§ 77. Неопредѣленность ударенія въ Рус«скомъ Языкѣ особенно происходитъ оттого, что у «насъ удареніе слоговъ не всегда совпадаетъ съ ихъ «количествомъ, протяженіе не вездѣ условливается уда«реніемъ.» Любопытно узнать, гдѣ, въ нашихъ буквахъ или слогахъ, авторъ нашелъ количество, т. е. слоги долгіе и краткіе. Повторяемъ: у насъ этого нѣтъ вовсе. Слоги отличаются между собою только удареніемъ, которое находится на одномъ изъ слоговъ многосложнаго слова. Оттого у насъ нѣтъ спондея, т. е. слова съ двумя долгими слогами.

24. Въ § 78 приведено сличеніе (не знаю для чего) русскихъ словъ съ чешскими. Жаль, что авторъ не обратилъ вниманія на то, что во всѣхъ западно-славянскихъ языкахъ слова короче нежели въ Русскомъ, то есть имѣютъ менѣе слоговъ, и что *много*гласіе есть исключительное свойство Русскаго Языка (см. *Начатки Русской Филологіи, М. Максимовича).*

25. Въ главѣ третьей авторъ толкуетъ объ аналогіи, тропахъ и синонимахъ. Замѣчу здѣсь, что слово *корабль* происходитъ отнюдь не отъ *короба*, а отъ новогреческаго слова *καράβι*. — Въ примѣрахъ разбора синонимъ находимъ слѣдующее любопытное опредѣленіе: «*Свѣтъ* первоначально означаетъ освѣщеніе, блистаніе, «все подлежащее свѣту солнечному.» *Свѣтъ есть освѣщеніе!* Можно ли коренное слово опредѣлять словомъ, произведеннымъ отъ него самого! И еще: *Свѣтъ* есть все подлежащее *свѣту* солнечному.»

26. На стр. 59 начинается второе отдѣленіе: *Части рѣчи и ихъ измѣненія.* (Я сказалъ бы: и *измѣненія ихъ*, но это бездѣлица.) Въ §§ 83 и 84 авторъ повторяетъ сказанное выше, что умъ человѣческій, принимая внѣшнія впечатлѣнія посредствомъ чувствъ, превращаетъ ихъ въ понятія, и передаетъ языкомъ. Впрочемъ: repetitio est mater studiorum. Изъ этихъ сужденій авторъ выводитъ свойства предложенія (въ § 85), и говоритъ, что глаголъ и имя первыя и главныя части рѣчи. Правда, но не поздненько ли является это объясненіе и опредѣленіе? Въ первомъ отдѣленіи авторъ говорилъ не только объ именахъ и глаголахъ, но и о причастіяхъ страдательныхъ, какъ о предметахъ, извѣстныхъ читателю, а опредѣляетъ ихъ во второмъ.

27. Въ § 86 сказано: «Качество подлежащаго «опредѣляютъ прилагательныя, а качество сказуемаго— «нарѣчія.» Нѣтъ! прилагательныя опредѣляютъ качество имени существительнаго, а нарѣчія качество глагола или прилагательнаго. «Жить долго есть терять милыхъ.» Что здѣсь подлежащее? *Жить*. Чѣмъ оно опредѣлено? Нарѣчіемъ *долго*. Почему нарѣчіемъ? Потому что оно есть глаголъ. «Суворовъ былъ великій полководецъ.»

Что здѣсь сказуемое? *Полководецъ*. Чѣмъ оно опредѣлено? Прилагательнымъ *великій*. Почему прилагательнымъ? Потому что оно имя существительное.

28. «§ 88. Безъ предлоговъ въ рѣчи нельзя себѣ «представить предметовъ въ совокупности, въ различ- «ныхъ отношеніяхъ между собою; напротивъ (?) посред- «ствомъ предлоговъ изображается принадлежность од- «ного предмета *къ* другому.» Увидимъ. Вотъ сложное предложеніе: «Племянникъ моей сосѣдки, молодой человѣкъ, умный и образованный, любитель наукъ и искусствъ, пріобрѣтаетъ всякія полезныя и поучительныя книги небольшими своими средствами, собираетъ сухія растенія, минералы и другія достопамятности и рѣдкости природы, и занимается сочиненіемъ полезныхъ статей.» Здѣсь предметы находятся въ различныхъ отношеніяхъ между собою, и для выраженія этихъ отношеній не употреблено ни одного предлога. Отчего это? Оттого, что отношенія между предметами выражаются, во-первыхъ, ***падежами***, и во-вторыхъ, ***предлогами***. Достойно замѣчанія, что авторъ, въ доказательство необходимости предлоговъ, самъ употребилъ предлогъ *къ*, вовсе не нужный.

29. Въ распредѣленіи частей рѣчи, авторъ уклоняется отъ порядка, существовавшаго въ теченіе вѣковъ, и, въ подражаніе нѣкоторымъ Нѣмцамъ, начинаетъ изложеніе свойствъ частей рѣчи порознь не съ имени существительнаго, а съ глагола, основываясь на томъ, что ***всѣ*** коренныя слова въ языкѣ глаголы, и всѣ коренныя понятія—понятія дѣятельности. Это еще нужно доказать. Сколько мнѣ извѣстно, есть глаголы, отъ которыхъ происходятъ имена, есть и имена, отъ которыхъ происходятъ глаголы. Но здѣсь должно обращать внима-

ніе не на происхожденіе *словъ* одного отъ другаго, а на то, которое изъ двухъ *понятій* ранѣе раждается въ умѣ, и выражается въ языкѣ. Можно ли вообразить себѣ дѣйствіе безъ дѣйствующаго предмета? Никакъ нельзя. Возьмемъ примѣръ, приведенный самимъ авторомъ (въ § 85): «Роза цвѣтетъ.» Могу ли я вполнѣ вообразить что такое *роза* при одномъ ея наименованіи, безъ всякаго другаго слова? Очень могу. Могу ли вообразить понятіе *цвѣтетъ*, безъ указанія кто или что цвѣтетъ? Нѣтъ! Скажутъ: бываетъ такъ, что глаголъ употребляется безъ существительнаго. Бываетъ, но оно всегда въ немъ подразумѣвается, между тѣмъ, какъ понятіе, возбуждаемое существительнымъ, полное, не имѣющее надобности въ поясненіи. Можно ли спрягать глаголъ безъ помощи имени или замѣняющаго его мѣстоименія? Нельзя. Оно всегда при немъ выражается или подразумѣвается. При склоненіи же существительныхъ нѣтъ еще надобности въ глаголѣ. Вотъ почему старинные грамматики ставили въ началѣ этимологіи имя существительное, съ его опредѣлительными или замѣнительными частями рѣчи. Второе мѣсто занималъ глаголъ, съ происходящими отъ него причастіями и съ опредѣляющими его нарѣчіями и дѣепричастіями. Это превращеніе исконнаго порядка въ изложеніи свойствъ частей рѣчи, принято въ нѣмецкихъ грамматикахъ по пристрастію Нѣмцевъ къ изысканію новыхъ взглядовъ, der Sache eine andere Ansicht abgewinnen. Впрочемъ это дѣло вкуса и моды. Съ какой бы части рѣчи ни начиналась грамматика — все равно, если только она изложена основательно, правильно и удобопонятно.

30. Въ § 92 авторъ говоритъ: «Понятія о состояніи «покоя, каковы: стоять, сидѣть, лежать, спать, также

«представляютъ дѣятельность, но только остановлен-«ную другою противоположною дѣятельностью.» Какая дѣятельность останавливаетъ мою дѣятельность, когда я *стою*, *сижу*, *лежу*, *сплю?* Развѣ только, когда *сижу подъ арестомъ*. Авторъ приводитъ глаголы греческіе, французскіе, нѣмецкіе, латинскіе, чтобъ показать слѣдъ понятія дѣятельности (*сажаю*) въ среднихъ глаголахъ: *сижу*, и т. п. Но не *сижу* происходитъ отъ *сажаю*; средній глаголъ *сижу*, коренной, а дѣйствительный, *сажаю*, отъ него производится. Примѣръ нѣмецкій выбранъ неудачно: stehen и aufstehen значитъ *стоять* и *вставать*; *ставить* же по-нѣмецки называется stellen.

31. Не разбираю фразы (въ § 93): «Въ большой «части коренныхъ понятій дѣятельность опредѣляется «способомъ дѣйствующаго бытія (subjectum), напр. въ «понятіяхъ *быть*, *свѣтить*, *звенѣть*, *течь*, *расти*,» потому что не могу понять ея.

32. «§ 99. Дѣйствіе происходитъ во времени, ко-«торое измѣряется или пространствомъ, отдѣляющимъ «одно дѣйствіе отъ другаго, или кратами повторитель-«ными одного и того же дѣйствія. Въ Латинскомъ н. п. «Языкѣ (т. е. въ Латинскомъ Языкѣ, напримѣръ) упо-«требляется первый способъ различенія дѣйствія въ гла-«голѣ, въ Русскомъ Языкѣ второй.» Не привязываясь къ тому, что дѣйствіе происходитъ не въ пространствѣ, а во времени, скажу, что въ Латинскомъ Языкѣ времена различаются не раздѣляющимъ оныя пространствомъ, а порядкомъ или постепенностью временъ, въ которыя происходитъ одно дѣйствіе, прежде или послѣ другаго.

33. Изложенное въ § 100 раздѣленіе глаголовъ русскихъ по видамъ крайне недостаточно. Вотъ оно: «По видамъ русскіе глаголы бываютъ: 1. *Однократ-*

«*ные*: двинуть, тронуть, рѣшить. 2. *Многократные:* «читывать, хаживать. 3. *Неопредѣленнократные*: a) «*Начинательные* (неокончательные опредѣленные) крас«нѣть, бѣлѣть, летѣть. b) *Длительные* (неокончатель«ные неопредѣленные) летать, ходить, писать. c) *Окон«чательные* (совершенные) покраснѣть, написать.»

Почему глаголы однократные, а за ними многократные, названы прежде неопредѣленнократныхъ? Который видъ есть коренной, т. е. отъ котораго происходятъ прочіе виды? Конечно не отъ однократнаго, а тѣмъ менѣе отъ многократнаго. Что значитъ, при начинательныхъ, поясненіе въ скобкахъ: неокончательные опредѣленные? Что значатъ такія же поясненія у длительныхъ и окончательныхъ? Должно установить то или другое. Авторъ даетъ намъ только *наименованіе* видовъ, не опредѣляя ихъ. Этого нельзя допустить. Какія же отличительныя свойства видовъ? Одни наименованія для показанія этого недостаточны, особенно когда они поясняются другими наименованіями, равномѣрно неистолкованными. Не найдемъ ли пособія въ примѣрахъ? Увы! примѣры прибраны наавось. Глаголъ *рѣшить* поставленъ съ однократными (*двинуть*, *тронуть*), но онъ не однократный, а совершенный (по Грамматикѣ Греча). Всѣ однократные глаголы суть совершенные, но не всѣ совершенные суть однократные. Нѣкоторые писатели принимали даже, что *рѣшить* есть глаголъ несовершенный, слѣдственно *рѣшу* есть время настоящее, а не будущее. Какимъ образомъ глаголъ *летѣть* попалъ въ начинательные? Начинательные (названные такъ по латинскому inchoativa,) выражаютъ, что предметъ принимаетъ извѣстное качество, становится такимъ-то: напримѣръ, *краснѣетъ*, *бѣлѣетъ*, значитъ становится крас-

нымъ, бѣлымъ. Но *летѣть* означаетъ дѣйствіе опредѣленное, а отнюдь не начинательное. Въ глаголахъ длительныхъ поставлены наряду: *летать*, *ходить*, *писать*, но *ходить* и *летать* (какъ означающіе движеніе), имѣютъ видъ опредѣленный: *летѣть* и *итти*, а *писать* есть глаголъ простой, не имѣющій опредѣленнаго вида. Что такое, какъ вы думаете, глаголъ *почитывать*? Глаголъ *предложный*, *неопредѣленнократный*, *длительный!* Положимъ и такъ, но выше не было говорено о глаголахъ *предложныхъ*, а когда нѣтъ клѣтки, некуда посадить и птицу.—Дозволяю себѣ спросить у автора, какъ онъ распредѣлитъ и обозначитъ виды глаголовъ: *выѣзжать*, *выѣхать*, *выѣзживать*, *выѣздить*; *выхаживать*, *выходйть*, *вы́ходить*, *выйти*?

34. Въ § 101 авторъ исчисляетъ, *сколько* временъ можетъ имѣть каждый изъ видовъ, но до того не потрудился объяснить читателю что такое *время*, какое оно бываетъ, какъ раздѣляется, и пр. Въ этомъ заключалась обязанность грамматики *общей*.

35. Авторъ принимаетъ въ русскомъ глаголѣ три наклоненія: изъявительное, повелительное и *сослагательное*. Послѣднее не имѣетъ особой формы, и потому не подлежитъ разбору этимологическому: о немъ слѣдуетъ говорить въ синтаксисѣ. Но гдѣ *неокончательное* или *неопредѣленное?* Авторъ относитъ его къ несущественнымъ формамъ глагола, съ причастіемъ и дѣепричастіемъ. Нѣтъ! тамъ ему не мѣсто: неокончательное наклоненіе есть корень, прямая форма глагола, то же, что въ имени существительномъ падежъ именительный.

36. О причастіи и дѣепричастіи авторъ говоритъ поверхностно, какъ бы мимоходомъ. Онъ не удостоилъ этихъ частей рѣчи особыми главами. Опредѣливъ ихъ

какъ нибудь (въ § 103 главы о глаголѣ), онъ говоритъ (въ §§ 140 — 145) о произведеніи ихъ, и все тутъ! Въ главѣ объ именахъ прилагательныхъ вовсе не упоминается о склоненіи причастій. Я сказалъ, что эти части рѣчи опредѣлены авторомъ *какъ нибудь*. Вотъ какъ: «Причастіе, составляющее средину между «глаголомъ и прилагательнымъ (NB которое еще не опредѣлено): *читающій* ребенокъ.» Что значитъ *составляющее средину?* въ чемъ состоитъ эта средина? Вотъ стаканъ сахарной воды. Могу ли я сказать: сахарная вода составляетъ средину между сахаромъ и водою? Такъ и причастіе: оно заключаетъ въ себѣ и свойства имени прилагательнаго, и свойства глагола. Дѣепричастіе авторъ опрѣдѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «Дѣепричастіе или отглагольное нарѣчіе: *читая, живучи.*» Дѣепричастіе относится къ нарѣчію точно такъ, какъ причастіе къ прилагательному. Почему же авторъ не говоритъ: «Дѣепричастіе составляетъ средину между глаголомъ и нарѣчіемъ,» или же «причастіе есть отглагольное прилагательное?» Что нибудь одно.

37. Въ § 104 авторъ говоритъ, что въ глаголахъ есть лице и число. Очень хорошо, но онъ забываетъ, что въ прошедшихъ временахъ глаголовъ есть и *родъ*. Къ тому онъ прибавляетъ: «Въ именахъ остаются слѣды *двой*«*ственнаго* числа, употребительнаго въ Старославянскомъ «Языкѣ: *два, три, четыре* человѣка.» Какъ очутилось здѣсь это замѣчаніе? Здѣсь говорится о выраженіи числа въ глаголахъ, а не въ существительныхъ. Это смѣшеніе есть слѣдствіе отступленія отъ прежняго, вѣками утвержденнаго порядка.

38. По всему видно, что авторъ сначала расположилъ было свою Грамматику въ старинномъ порядкѣ, то

есть началъ съ имени существительнаго, а потомъ перенесъ на первое мѣсто глаголъ. Такъ, въ § 106, говорить онъ: «Русскіе глаголы, какъ и имена, состоятъ изъ трехъ стихій: корня, окончанія и приставки.» А объ именахъ еще не говорилось: о образованіи именъ рѣчь идетъ въ §§ 154 — 161!

39. Примѣчаніе къ § 106 начинается такъ: «Когда корень глагола состоитъ изъ одного чистаго коренна«го слога, который не имѣетъ въ концѣ ни какой прида«точной буквы, тогда начало всѣхъ его временъ и на«клоненій бываетъ неопредѣленное.» *Неопредѣленное начало*, что это такое? Это маленькая обмолвка: авторъ хотѣлъ сказать: тогда началомъ его бываетъ *неопредѣленное наклоненіе.*» Вотъ это дѣло иное!

40. Раздѣленіе глаголовъ (въ §§ 107 и 108) на первообразные, производные, на простые и сложные, ни на чемъ не основано, и ни къ чему не ведетъ. Гдѣ есть первообразные, тамъ должны быть и второобразные, а послѣднихъ въ этой Грамматикѣ нѣтъ вовсе. Глаголы сложные слѣдовало бы назвать *предложными*. Нѣкоторыя изъ сихъ дѣленій находятся въ Грамматикѣ Греча (Подробной), но тамъ они служатъ къ различенію постепенности въ образованіи и спряженіи глаголовъ, а здѣсь не ведутъ ни къ чему.

41. Въ концѣ § 113-го авторъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ глаголахъ присоединенію корней (то есть окончаній къ корнямъ) помогаютъ бѣглыя буквы *о* и *е*. Это такъ, но въ слѣдующемъ (§ 114) онъ называетъ бѣглыми гласныя буквы *а* и *у*. Отнюдь нѣтъ! Какое отличительное свойство бѣглой буквы? То, что она или, при производствѣ и измѣненіи слова, теряется (*кусокъ, куска, конецъ, конца)*, или вставляется для облегченія про-

изношенія скопившихся согласныхъ (*досокъ, ручекъ, домохозяинъ, лжепророкъ*). Эту должность отправляютъ въ Русскомъ Языкѣ двѣ буквы *о* и *е*; но прочія буквы никогда не бываютъ бѣглыми; напримѣръ, мы говоримъ: *пятака, коврика, сундука, бирюка, дровосѣка, червяка*, не опуская послѣдней гласной, какъ въ предшествующихъ примѣрахъ. На основаніи этого правила должно писать: *кусочекъ*, а не *кусочикъ*, и *кончикъ*, а не *кончекъ*. Буквы *и* и *у* никогда не теряются, а переходятъ въ другія: *и* въ *й* или *ь* (*проси, брось*), *у* въ *в* (вм. *заутра* говорятъ *завтра*), но *а* всегда остается въ своей силѣ, и на основаніи этихъ наблюденій составленъ порядокъ гласныхъ буквъ, заимствованный нашимъ авторомъ у Греча, но у послѣдняго это распредѣленіе подтверждено примѣрами, а первый выписываетъ оное голословно и безотчетно.

42. Въ §§ 121 и 122 авторъ говоритъ: «Глаголы «начинательные означаютъ принятіе новаго качества и «переходъ въ извѣстное состояніе и пребываніе въ немъ.» Во-первыхъ, они означаютъ принятіе качества, но не всегда новаго; во-вторыхъ, отнюдь не означаютъ *пребыванія* въ качествѣ, напримѣръ: «полотно *бѣлѣетъ* на солнцѣ.» *Бѣлѣется* другое дѣло, но этого нашъ авторъ не замѣтилъ.

43. «§ 124. Глаголы съ отличительною буквою *в* «не ясно выказываютъ свое значеніе (?). Въ отно«шеніи къ времени и кратности они всѣ принад«лежатъ къ многократнымъ, напримѣръ: жал*овать*, «мил*овать*, меж*евать*, царств*овать*, во*евать*.» Но это не многократные глаголы, а неопредѣленнократные, и свидѣтельство сему находится въ томъ, что у этихъ глаголовъ есть время настоящее (*жалую, милую*,

межую, царствую, воюю(, котораго, по словамъ самого автора разбираемой мною книги (§ 101), въ многократномъ видѣ не бываетъ. Многократные, впрочемъ въ неокончательномъ наклоненіи неупотребительные, оканчиваются на *ывать* и *ивать* (*казывать, говаривать),* а не на *овать* и *евать.*

44. Въ примѣчаніи къ § 124 сказано: «Дѣйстви-«тельный глаголъ, принявшій мѣстоименіе *ся*, пере-«ходитъ въ глаголъ возвратный: *одѣваю-ся, чешу-«ся.* Это присоединеніе мѣстоименія *ся* останавливаетъ «дѣйствіе глагола на мѣстоименіи, и не позволяетъ ему «переходить на внѣшніе предметы, слѣдовательно гла-«голъ объективный отъ этого становится глаголомъ «субъективнымъ.» Ни мало: глаголы *одѣваю* и *чешу* остаются объективными, только объектъ ихъ не отдѣляется отъ глагола на письмѣ. Спрашивается: если я скажу: *чешу себя, одѣваю себя,* какіе это глаголы? Странно еще выраженіе, что мѣстоименіе *ся* *останавливаетъ* дѣйствіе глагола на мѣстоименіи, и не позволяетъ ему переходить на внѣшніе предметы. Слѣдственно въ фразѣ: *пью воду*, имя *воду* останавливаетъ дѣйствіе на водѣ, и препятствуетъ ему переходить на квасъ, на пиво и пр.? Да и приводимый авторомъ случай бываетъ не всегда. Глаголъ *страшу*, напримѣръ (и многіе другіе), и по присоединеніи къ нему мѣстоименія *ся*, остается объективнымъ: «*страшусь* бѣды.»

45. Опредѣленіе спряженія: «§ 125. Общая форма, «подъ которую подходятъ условія временъ, наклоне-«ній и лицъ, называется спряженіемъ.» Понятно ли русскому человѣку такое толкованіе? Что бы просто сказать: «Измѣненіе наружной формы гла-

«гола, для выраженія наклоненія, времени, числа, лица «и *рода*, называется спряженіемъ.» Самъ авторъ (въ § 207) опредѣляетъ склоненіе именъ: «Измѣненіе окон-«чанія и ударенія имени существительнаго, какія оно «принимаетъ для означенія числа и разныхъ отношеній «своихъ къ другимъ именамъ и частямъ рѣчи, назы-«вается *склоненіемъ*.» Зачѣмъ бы и здѣсь не сказать: «Общая форма, подъ которую подходятъ условія чиселъ и падежей, называется склоненіемъ?» Опять скажу: что нибудь одно.

46. Въ § 126 сказано: «Личныя мѣстоименія и гла-«голъ существительный *есмь* стоятъ отдѣльно при про-«шедшемъ времени, страдательномъ причастіи и при не-«определенномъ (пропущено: *наклоненіи*), напр. *я пи-салъ, онъ образованъ, я буду писать*.» Глаголъ существительный дѣйствительно употребляется при страдательныхъ причастіяхъ и при неокончательномъ наклоненіи, но при прошедшемъ времени, въ собственномъ Русскомъ Языкѣ, онъ никогда не бываетъ. Неужели говорятъ: *ты былъ писалъ*, или *ты будешь писалъ*, *онъ есть писалъ?* Далѣе: «Личныя мѣстоименія соеди-«няются съ корнями первообразныхъ и производныхъ «глаголовъ, и (пропущено: *въ этомъ случаѣ*) суще-«ствительный глаголъ не допускается, напримѣръ: *пи-«шу, куплю*.» Если бъ авторъ сказалъ, что при сихъ формахъ мѣстоименіе подразумѣвается, потому что лице выражено окончаніемъ глагола, я съ нимъ согласился бы охотно, но какимъ образомъ личныя мѣстоименія *соединяются* съ корнями глаголовъ, никакъ понять не можно. Между словомъ *я* и окончаніемъ *ю* или *у*, между *ты* и *ешь* или *ишь*, между *онъ* и *етъ* или *итъ*, нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Вотъ если бъ

авторъ сказалъ, что въ спряженіи всѣхъ совокупныхъ глаголовъ проглядываетъ спряженіе существительнаго (*быть*), нечего было бы возразить. Это же самое повторяется рѣшительно въ § 131. Говорю: у насъ только окончаніе перваго лица множественнаго числа глагола (*мъ*) сходствуетъ съ относящимся къ нему мѣстоименіемъ (*мы*).

47. Въ § 128 сказано: «Знаки лицъ присоединяют- «ся къ глагольнымъ корнямъ двумя способами: 1) безъ «помощи бѣглой буквы *е*; 2) съ помощію буквы *е*. «Первому способу *слѣдуютъ* производные глаголы съ «примѣтою *и* и *ѣ*, а изъ числа первообразныхъ глаголовъ «не допускаетъ (т. е. не допуска*ютъ*) ея глаголъ *есмь* и «глаголы *дамъ*, *создамъ*, *ѣмъ*. Всѣ прочіе глаголы, какъ «первообразные, такъ и производные, принимаютъ соеди- «нительную гласную. Способъ соединенія личнаго мѣ- «стоименія съ глагольнымъ корнемъ посредствомъ «буквы *е* составляетъ первое спряженіе; способъ при- «соединенія личнаго мѣстоименія къ глагольному корню «безъ помощи буквы *е* составляетъ второе спряженіе.» Другими словами, это значитъ: «Глаголы, оканчивающіеся на *ть* съ предъидущими гласными *и* и *ѣ*, имѣютъ, во второмъ лицѣ настоящаго времени единствен. числа, *ишь* (не всѣ), а всѣ прочіе (далеко не всѣ) *ешь*.» Замѣчательно, что авторъ и здѣсь называетъ букву *е* бѣглою. Да, она бываетъ бѣглою буквою и въ спряженіяхъ (напримѣръ, въ повелительномъ наклоненіи: *бей*, *вей*, и т. п.), но въ окончаніи лицъ настоящаго времени она просто буква гласная, какъ и всякая другая, ибо не замѣняетъ другой буквы, и не выпускается ни въ какомъ случаѣ. Развѣ можно вмѣсто *колешь* сказать *кольшь?* вм. *имѣешь*, *имѣйшь?* Буквы

е и *и*, во второмъ и прочихъ лицахъ настоящаго времени, суть то же, что *е* и *i* въ Латинскомъ Языкѣ: moneo, mones, monet; rego, regis, regit, и т. д. Должно замѣтить, что всѣ эти разсужденія не ведутъ ни къ чему, по сознанію самого автора. Въ § 134-мъ помѣстилъ онъ правила образованія настоящаго и прошедшаго временъ глагола, выписанныя имъ изъ Гречевой Грамматики, самыя простыя, трезвыя, прозаическія, но вполнѣ удовлетворительныя.

48. Въ примѣчаніи къ § 129 сказано: «Вообще должно замѣтить, что въ спряженіи гласныя буквы «кореннаго слога не измѣняются, но согласныя подвержены измѣненіямъ на законахъ фонетическихъ.» А *молоть, мелю; сѣлъ, сяду; легъ, лягу; копать, выкапывать*, и мн. др.?

49. Съ § 132 начинаются парадигмы, т. е. образцы спряженій, напечатанные очень широко. Всѣ они наполняютъ около двадцати страницъ, а можно было бы умѣстить ихъ страницахъ на пяти. Должно сказать, что примѣчанія къ симъ образцамъ дѣльныя, практическія и хорошо изложенныя: авторъ поступилъ очень благоразумно, заимствовавъ ихъ изъ другихъ грамматикъ. Упомянемъ объ одномъ любопытномъ казусѣ. Важное и, вѣроятно, не многимъ извѣстное правило, что возвратные глаголы производятся прибавленіемъ къ дѣйствительнымъ слога *ся*, т. е. возвратнаго мѣстоименія *себя*, является въ Общесравнительной Грамматикѣ одиннадцать разъ: 1) Въ § 96. 2) Въ примѣчаніи къ § 98. 3) Въ примѣчаніи къ § 124. 4) Въ § 129. 5) Въ § 147. 6) Въ § 150. a. 7) Въ § 150. e, 8) На стр. 118. 9) На стр. 120. 10) Въ § 280. 11) Въ § 562. g. — Но зато сколько необходимыхъ указа-

ній пропущено! Например, не показано *начертанія* глагола, т. е. означенія, сколько видовъ глаголъ имѣть можетъ; выпущены изъ виду глаголы сугубые (*итти, ходить; бресть, бродить*); не обращено должнаго вниманія на составленіе глаголовъ предложныхъ изъ многократныхъ, на усѣченіе такихъ глаголовъ по ихъ значенію: *выбѣливать* и *убѣлять, загораживать* и *заграждать*. По правиламъ автора, не знаешь, какъ писать: *приблизить* или *приближить*, *уповаю* или *упую*, *обуреваю* или *обурюю*.

50. Приступимъ къ главѣ III: *объ имени существительномъ*.

§ 153. «Часть рѣчи, служащая для изображенія су-«ществъ природы и понятій, называется *именемъ су-«ществительнымъ*, или *именемъ* по преимуществу: *ка-«мень, дерево, лошадь, солнце*, суть названія предме-«товъ природы: *добродѣтель, мудрость, красота* — «названія понятій.» Изображеніе существъ природы и понятій есть опредѣленіе, требующее объясненія или дополненія, слѣдовательно темное и недосказанное. Да развѣ предметы вещественные, для выраженія ихъ словомъ, не превращаются въ понятія? И развѣ *добродѣтель, мудрость, красота* находятся не въ природѣ? И дѣйствіе, и качество суть также понятія, но выражающіе ихъ глаголы и прилагательныя не суть имена существительныя. Кажется, слѣдовало бы сказать: «изображеніе (или, лучше, наименованіе) предметовъ, постигаемыхъ чувствами или понимаемыхъ только умомъ.»

51. «§ 154. Существительныя имена раздѣляются на первообразныя и производныя.» (И здѣсь первообразныя безъ второобразныхъ!) «Имена, при которыхъ нахо-«дятся только родовыя окончанія *ъ, а, о*, безъ другихъ

«наращеній, называются первообразными: *левъ*, *рука*, «*серебро*. Имена же, происшедшія отъ первообразныхъ «приращеніемъ окончательныхъ слоговъ, называются «производными: *львенокъ*, *рученка*, *серебряникъ*.» Во-первыхъ, окончанія находятся не *при* словахъ (т. е. не внѣ ихъ), а *въ* словахъ. Во-вторыхъ, что такое *родовыя* окончанія? Роды именъ еще не опредѣлены и не объяснены, да и въ предъидущей главѣ (о глаголѣ) опущены. Въ-третьихъ, наращеніе окончательныхъ буквъ въ образованіи производныхъ именъ есть слѣдствіе свойства и смысла сихъ именъ, а не причина, не признакъ ихъ.

52. Въ § 155 авторъ говоритъ, что явныя окончанія русскихъ именъ суть мѣстоименія 3-го лица, соотвѣтствующія греческимъ, латинскимъ и санскритскимъ окончаніямъ. А почему, наоборотъ, окончанія мѣстоименій не произошли отъ окончаній именъ существительныхъ? Вѣдь имена существительныя въ языкѣ были ранѣе мѣстоименій. Младенецъ узнаетъ много именъ существительныхъ и съ окончаніями ихъ, прежде нежели станетъ употреблять мѣстоименія. «Твердыя гласныя (*ъ*, *а*, *о*,), «по свойству сочетанія нашихъ буквъ, говоритъ авторъ, «переходятъ въ мягкія *ь* (*й*), *я*, *е*, поэтому и окон-«чанія существительныхъ (*ь*, *й*, *я*, *е*) суть родовыя «*не явныя*.» Во-первыхъ, къ чему ведетъ это раздѣленіе окончаній на явныя и неявныя? На что оно? Во-вторыхъ, неужели въ словѣ *мо́ре*, напримѣръ, окончательная буква *е* не такъ же рѣшительно означаетъ средній родъ его, какъ *о* въ словѣ *перо*? Прошу отвѣта.

53. Достойно замѣчанія, что съ § 154 до § 161 включительно, говорится о образованіи родовъ въ именахъ существительныхъ, со всѣми возможными учеными и неучеными ссылками, а число и свойство родовъ опре-

дѣлены не прежде, какъ въ § 166. Это кажется мнѣ совершенно противнымъ основному правилу изложенія какой либо науки, особенно если писатель именно обѣщаетъ соблюдать законы философіи: опредѣленіе предмета должно всегда предшествовать подробному его разбору; если же опредѣленіе, по общеизвѣстности его, кажется лишнимъ, нечего упоминать о немъ и въ послѣдствіи. Замѣчательно еще, что здѣсь говорится о предметахъ *одушевленныхъ* и *неодушевленныхъ*, безъ показанія что они такое, и чѣмъ между собою различаются.

54. Въ § 170 объ уменьшительныхъ именахъ сказано между прочимъ: «Ласкательныя окончанія при-«даются также именамъ *любимыхъ* животныхъ: *коро-«вушка, лошадушка.*» Слѣдственно, если я скажу: «бѣдный мужикъ, у него коровушка пала,» значитъ, что эта коровушка была *любимымъ* моимъ животнымъ?

55. «§ 171. Имена различаются по числамъ, един-«ственному и множественному.» Нѣтъ! Предметы могутъ различаться между собою качествомъ всегдашнимъ, неотъемлемымъ, а число есть выраженіе внѣшняго, не существеннаго обстоятельства. Въ словахъ *рыба* или *рыбы*—предметы, слѣдственно и имена, не различаются между собою. Надлежало сказать: въ именахъ означается число, то есть объ одномъ ли предметѣ говорится или о многихъ.—Замѣчанія объ употребленіи именъ существительныхъ въ одномъ единственномъ или въ одномъ множественномъ, не удовлетворительны. Не сказано объ именахъ собственныхъ (*Ѳивы, Вязенки* и т. п.). Не упомянуто, что нѣкоторыя имена во множественномъ числѣ имѣютъ не то значеніе, что въ единственномъ; напримѣръ: *часъ* и *часы*, *деньга* и *деньги*, *очко* и *очки*, *счетъ* и *счеты*, и т. д.

56. Не останавливаюсь на опредѣленіи падежей: я обращусь къ нимъ въ синтаксисѣ. Прехожу молчаніемъ и §§ 174—206 о образованіи словъ: это дѣло лексикона, а не собственной грамматики. Скажу только, что раздѣленіе именъ существительныхъ, по происхожденію и образованію ихъ, у нашего автора произвольно и сбивчиво. Напримѣръ, онъ принимаетъ первообразными имена составныя. Могутъ ли быть *составныя* первоообразными? — На стр. 139 нахожу: «Буква «наша *ж* тоже (т. е. то же), что греческая ζ и латинская *g*.» Признаюсь въ своемъ невѣжествѣ: я думалъ доселѣ, что греческая ζ есть *з* или *дз*, а латинская *g* соотвѣтствуетъ нашей буквѣ *г*. Не опечатка ли это? Справляюсь съ первымъ изданіемъ: и тамъ сказано точно такъ.

57. По моему мнѣнію, имена, въ отношеніи къ образованію ихъ, должны имѣть два дѣленія: первое: простыя и сложныя (не предложныя, а составленныя изъ знаменательныхъ частей рѣчи, напримѣръ: *мореходъ, честолюбіе)*; второе: первообразныя, второобразныя и производныя. Производныя составлены изъ другихъ частей рѣчи: *близна, мнѣніе,* и т. п., а второобразныя произведены отъ первообразныхъ именъ существительныхъ же, т. е. женскія, происходящія отъ мужескихъ *(солдатъ, солдатка)*, имена уменьшительныя, увеличительныя, и т. д. Какая польза отъ такого дѣленія? Вотъ какая: производныя принадлежатъ собственно къ словарю, а второобразныя составляютъ существенную часть грамматики. На основаніи этого слѣдовало бы отдѣлить отъ правилъ производства именъ вообще, правила образованія женскихъ, проис-

ходящихъ отъ мужескихъ, образованія уменьшительныхъ, увеличительныхъ и т. п.

58. Въ § 185 авторъ говоритъ: «Гласная буква, «служащая признакомъ рода, породъ и склоненій,» и т. д. Что такое *порода* именъ? Этого я въ Общесравнительной Грамматикѣ не нашелъ.

59. Въ §§ 193 и 194 авторъ относитъ имена собственныя *(Петръ*, *Николай*, *Иванъ*, *Анна*, *Марія)* къ кореннымъ. Но это имена не русскія, а заимствованныя изъ Языковъ Еврейскаго и Греческаго, слѣдственно подъ правила образованія, простирающіяся на слова русскія, не подходятъ.

60. Въ § 208 авторъ говоритъ, что въ Русскомъ Языкѣ семь падежей, и исчисляетъ ихъ. Лишній трудъ: онъ уже исчислилъ ихъ и съ толкованіемъ выше, въ § 173. — Тамъ же: «Въ склоненіи опредѣляется еще «количество: отъ этого потребность въ числахъ именъ— «единственномъ и множественномъ.» Представляю читателямъ разобрать этотъ періодъ по требованіямъ логики.

61. Авторъ принимаетъ пять склоненій: первыя три по окончаніямъ мужескимъ *(ъ, ь, й)*, женскимъ *(а, я)*, среднимъ *(о, е)*, четвертое по окончанію *ь* женскому, и пятое по окончанію *мя* и другихъ именъ средняго рода, кончащихся на *я*. Это дѣленіе заимствовано у Г. П. Павскаго. Очень хорошо, но замѣчательно притомъ что авторъ (въ § 209) говоритъ о склоненіи вообще: «Склоненіе нашихъ именъ существительныхъ «очень просто: нужно только узнать падежныя перемѣны «одного имени въ каждомъ изъ пяти склоненій, и «склоненіе всѣхъ прочихъ именъ само собою представится. Зная склоненіе имени, кончащагося на твердую

«гласную, и какая изъ мягкихъ буквъ соотвѣтствуитъ «твердой гласной, всякій можетъ легко склонять имя, «кончащееся на соотвѣтствующую ей гласную мягкую.» Повѣримъ это на дѣлѣ: возьмемъ въ примѣръ имена, кончащіяся на одну букву *ъ*, и посмотримъ, во сколькихъ видахъ является ихъ склоненіе.

Им. *ъ*	домъ	слонъ	лѣсъ	плащъ
Р. *а*	дома	слона	лѣса	плаща
Д. *у*	дому	слону	лѣсу	плащу
В. *ъ*, *а*	домъ	слона	лѣсъ	плащъ
Тв. *омъ*, *емъ*	домомъ	слономъ	лѣсомъ	плащемъ
Пр. *ѣ*, *у*	домѣ, дому	слонѣ	лѣсѣ, лѣсу	плащѣ
Мн. и. *ы*, *и*, *а*, *ье*, *е*	домы	слоны	лѣса	плащи

льстецъ	кусокъ	отецъ	кулекъ	заецъ
льстеца	куска	отца	кулька	зайца
льстецу	куску	отцу	кульку	зайцу
льстеца	кусокъ	отца	кулекъ	зайца
льстецомъ	кускомъ	отцемъ	кулькомъ	зайцемъ
льстецѣ	кускѣ	отцѣ	кулькѣ	зайцѣ
льстецы	куски	отцы	кульки	зайцы.

Можно ли, послѣ этого, сказать, что наши склоненія очень просты, и что нужно только узнать падежныя перемѣны одного имени, и склоненіе всѣхъ прочихъ именъ представится само собою? Возьмите соотвѣтствующія твердой буквѣ *ъ* мягкія окончанія (*ь* и *й*), и попытайтесь склонять имена *конь*, *камень*, *сарай*, *геній*, *улей*, по образцамъ склоненія именъ, кончащихся на *ъ*!

62. Таблицы, приложенныя авторомъ къ изложенію правилъ склоненія (стр. 180 — 183), очень недостаточны. Въ нихъ не показано, какъ склоняются имена, кончащіяся на *ій* (*виночерпій*), на *ія* (*Россія*), на *ца* (*дѣвица*), на *зя* (*стезя*). Въ винительномъ падежѣ множественнаго числа перваго склоненія окончанія смѣ-

шаны: окончаніе *ъ (гражданъ)* поставлено съ именами предметовъ неодушевленныхъ. Окончаніе *ья (друзья)* пропущено, и вмѣсто его поставлено небывалое *я*.

Это не придирки съ моей стороны, а доказательства вниманія, съ какимъ я разсматриваю судимую мною книгу.

63. Правила ударенія, изложенныя въ §§ 222-226, очень недостаточны. Въ § 223 авторъ говоритъ, что въ именахъ средняго рода ударенія переносятся съ перваго слога ед. числа на послѣдній слогъ множ. ч. и наоборотъ; съ послѣдняго слога ед. ч. на первый слогъ мн. ч., и не разсудилъ сказать, что этимъ отличается именительный падежъ множественнаго числа отъ родительнаго единственнаго: *моря́, мо̀ря; ру́ки, руки́*. Могутъ возразить, что это правило упомянуто уже въ § 216. Такъ зачѣмъ повторять *половину* правила? Но всего замѣчательнѣе § 224: «Двусложныя, переносящія ударенія съ перваго «слога на послѣдній, въ род. мн. ч., по необходимости воз«вращаютъ удареніе на первый слогъ, становясь одно«сложными: *права́, правъ, тѣла́, тѣлъ*.» Какое удареніе можетъ быть на *односложномъ* словѣ! Слово, сдѣлавшись односложнымъ, теряетъ удареніе, и тогда не различается, на которомъ слогѣ двусложнаго было удареніе: оно теряется и въ тѣхъ, которыя имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ: *ви́на, винъ; ли́ца, лицъ*. Къ тому авторъ прибавляетъ: «Этому слѣдуютъ трехсложныя: *зеркала̀*, «*зѐркалъ, облака́, о̀блакъ*.» Чему этому? Рѣчь идетъ объ именахъ, которыя въ родительномъ падежѣ становятся односложными. *Облака́* (впрочемъ род. пад. *облаковъ*) и *зеркала́, зѐркалъ*, подъ это не подходятъ. Этотъ пунктъ удержанъ въ цѣлости во всѣхъ трехъ изданіяхъ книги.

64. Въ § 226 сказано: «Согласныя одного органа избѣгаютъ сочетанія другъ съ другомъ: по этому говорятъ *обвязывать* вм. *обязывать.*» Да это глаголы, а здѣсь дѣло идетъ объ именахъ. Это замѣчаніе слѣдовало бы отнести къ правиламъ составленія глаголовъ, или частей рѣчи вообще, а не именъ существительныхъ. Къ тому же говорятъ и *обвязывать*. И изъ этого замѣчанія видно, что авторъ не обращалъ вниманія на измѣненіе формъ глаголовъ при перенесеніи смысла изъ дѣйствія физическаго въ умственное. Онъ могъ бы извлечь это изъ Пространной Русской Грамматики Греча (2 изд. 1834), въ § 430, стр. 331, б.

65. Не довольно ли о существительныхъ? Перейдемъ къ прилагательнымъ, изложеннымъ въ IV главѣ, съ § 227. Этотъ параграфъ начинается такъ: «Глаголъ выражаетъ дѣйствіе, имя означаетъ бытіе, прилагательное (adjectivum) (*) занимаетъ средину между глаголомъ и именемъ: это качественность предмета. «Разность между глаголомъ и прилагательнымъ состоитъ «особенно» (въ чемъ бы вы думали?) «въ окончаніи: окончаніе прилагательнаго показываетъ единство дѣйствія съ «бытіемъ, н. п. свѣт*лый* мѣс*яцъ;* въ *окончаніи* глагола «заключается цѣлое сужденіе, н. п. мѣсяцъ свѣт*итъ*. «Прилагательное съ другимъ окончаніемъ также означаетъ сужденіе: мѣсяцъ свѣт*елъ* (есть).» Что значитъ: «прилагательное занимаетъ средину между глаголомъ и именемъ?» Скорѣе можно бъ было допустить

* При опредѣленіи глагола (§ 91) и имени существительнаго (§ 153), не было латинскаго ихъ названія. Это начинается съ прилагательнаго, и идетъ при всѣхъ прочихъ частяхъ рѣчи. Если такое поясненіе нужно, зачѣмъ лишены этого двѣ главнѣйшія части рѣчи?

правило, опровергнутое мною выше (36), будто средину между глаголомъ и прилагательнымъ занимаетъ причастіе. —«Разность между глаголомъ и прилагатель-«нымъ состоитъ особенно въ окончаніи.» Скажите, ради Бога, еще разъ, можно ли окончаніемъ опредѣлить, къ которому отдѣлу или къ которой части рѣчи принадлежитъ слово! Возьмемъ три слова, кончащіяся на *елъ*: *пепелъ*, *вышелъ*, *свѣтелъ*. Одно изъ нихъ существительное, другое глаголъ, третье прилагательное. Окончаніе есть послѣдствіе значенія слова и его отношеній, признакъ ихъ, а отнюдь не причина чего либо. Прилагательныя ни мало не заключаютъ въ себѣ значенія глагола: они выражаютъ качество предмета постоянное, существующее не во времени. Въ предложеніи: *мѣсяцъ свѣтелъ*, глаголъ заключается въ подразумѣваемомъ словѣ *есть*. Усѣченіе же окончанія есть измѣненіе имени прилагательнаго, которымъ различается въ немъ опредѣлительное слово и сказуемое. Въ Латинскомъ и во Французскомъ Языкахъ, прилагательное, въ семъ случаѣ, не различается окончаніемъ; въ Нѣмецкомъ, при переходѣ въ сказуемое, оно становится нарѣчіемъ (der Vater ist gut, die Mutter ist gut, das Kind ist gut, die Kinder sind gut). Не должно обманываться тѣмъ, что въ приведенной фразѣ глаголъ не выраженъ: въ настоящемъ времени онъ у насъ обыкновенно подразумѣвается; въ прошедшемъ и будущемъ явствуетъ: «мѣсяцъ *былъ* свѣтелъ, мѣсяцъ *будетъ* свѣтелъ.» Если слово *свѣтелъ* есть глаголъ, то въ предложеніяхъ: «попугай *птица*, ты *человѣкъ*,» слова *птица* и *человѣкъ* также глаголы. По разрушеніи основанія, распадется и все, что на немъ построено. Замѣчательно только, что авторъ

подкрѣпляетъ свои сужденія ссылками на *Языки Американскіе* (въ примѣчаніи къ § 229.)!

66. Въ § 230 авторъ говоритъ, на основаніи этихъ неосновательныхъ толковъ, что «прилагательное, по «двойственному своему свойству, должно являться въ «двухъ видахъ: прилагательнымъ неопредѣленнымъ или «спрягаемымъ, и опредѣленнымъ или склоняемымъ.» Почему же *свѣтлый* мѣсяцъ прилагательное опредѣленное, а мѣсяцъ *свѣтелъ* неопредѣленное? (что оно не спрягаемое, мы доказали). «Мѣсяцъ (есть) свѣтелъ,» говоритъ авторъ, «то же, что свѣтитъ.» Нѣтъ, не то: *свѣтитъ* значитъ, что онъ свѣтитъ теперь, а *свѣтелъ* выражаетъ вообще, что онъ не теменъ (что впрочемъ не оправдывается астрономіею: мѣсяцъ есть тѣло темное, освѣщаемое солнцемъ). По симъ правиламъ, *умный*, *умникъ*, *умничать*, *умно*—одна и та же часть рѣчи? Въ примѣчаніи къ этому параграфу авторъ говоритъ, что окончанія неопредѣленныя (т. е. усѣченныя) встрѣчаются въ пѣсняхъ, загадкахъ и поговоркахъ въ рѣчи простаго народа въ видѣ опредѣленныхъ (т. е. вмѣсто полныхъ). Отнюдь нѣтъ: это усѣченіе происходитъ не отъ особенности грамматической, а по стихосложной вольности, для сохраненія числа и мѣры слоговъ. И въ непростонародномъ стихотворномъ языкѣ эти усѣченныя окончанія оставлены недавно.

Державинъ писалъ:

Въ это время столь *холодно* (вм. *холодное*),
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча *порфирородно* (вм. *порфирородное*)
Въ царствѣ сѣверномъ рожденъ.

Дмитріевъ:

Извлекъ онъ саблю *смертоносну* (вм. *смертоносную*).

Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь *поносну* (вм. *поносную*).
Влачить мнѣ въ плѣнѣ.

Крыловъ:

И чѣмъ же кончились затѣи *величавы* (вм. *величавыя)?*

67. Въ § 233 авторъ пишетъ: «Степени сравненія «бываютъ безотносительныя и относительныя.» Нѣтъ! Сравненіе всегда бываетъ относительное. Не возможно сравнить одинъ предметъ съ другимъ, когда этотъ другой не существуетъ. Въ § 255 Пространной Грамматики Греча сказано, что степени качествъ бываютъ неотносительныя и относительныя, и что въ послѣднихъ заключается сравненіе. Далѣе: «Предметъ, въ са«момъ себѣ разсматриваемый, безъ отношенія къ дру«гимъ однороднымъ, представляетъ качественность «*начинательную: бѣловатъ; длительную: бѣленекъ;* «*окончательную* или *совершенную: бѣлехонекъ.* Эти «степени соотвѣтствуютъ видамъ глагола: начинатель«ному, длительному и окончательному, или совершен«ному.» Глаголъ начинательный выражаетъ дѣйствіе, которымъ предметъ пріобрѣтаетъ какое либо качество, становится такимъ-то; напримѣръ: «сукно *желтѣетъ.*» Но прилагательное *желтоватъ* значитъ, что предметъ имѣетъ уже это качество въ небольшой степени, а не то, что пріобрѣлъ его мало по малу. *Бѣленекъ* есть уменьшительная форма, привѣтственная, ласкательная, а отнюдь не собственно положительная, или, какъ авторъ говоритъ, длительная: вмѣсто ея, слѣдовало бы употребить форму *бѣлъ. Бѣлехонекъ* значитъ не то, чтобъ предметъ окончательно *сталъ* бѣлымъ (*побѣлѣлъ*), а только, что онъ *очень бѣлъ, совершенно бѣлъ.*

68. Въ § 234 авторъ начинаетъ изложеніе образованія прилагательныхъ слѣдующимъ порядкомъ: «Прилагатель-

«ныя образуются или изъ глаголовъ, каковы причастія, «перешедшія въ прилагательныя, или изъ именъ (т. е. «существительныхъ), и подобны однимъ въ значеніи, «другимъ по измѣненію въ падежахъ. Такъ прилагатель-«ныя: *горячій*, *пловучій*, *летучій* съ глаголами: *го-«ритъ*, *плыветъ*, *летитъ*, совершенно сходны (т. е. «схожи) въ значеніи. Напротивъ, прилагательныя: *зо-«лотой*, *серебряный* и подобныя, происходящія отъ «именъ существительныхъ, не имѣютъ значенія гла-«головъ, а перемѣняютъ окончанія по падежамъ, какъ «существительныя, одинаково съ причастіями, перешед-«шими въ прилагательныя. Сверхъ того прилагательныя, «какъ и глаголы, имѣютъ значеніе и субъективное: «*добрый*, *скорый*, и объективное: *любезный* (*любимый*) «*знатный* (*знаемый*), а нѣкоторыя употребляются и въ «томъ и въ другомъ значеніи, напр. *ученый*.»

Не понимаю, почему авторъ обратился къ прилагательнымъ производнымъ и второобразнымъ, не сказавъ ни слова о первообразныхъ, т. е. о составленныхъ непосредственно изъ корня съ приставкою, отличающею часть рѣчи, например: *милый*, *добрый*, *черный*, *бѣлый*. Отъ какихъ глаголовъ или именъ существительныхъ они происходятъ? Отъ *миловать*, *добрѣть*, *чернота*, *бѣлизна*? Нѣтъ, эти глаголы и существительныя сами происходятъ отъ прилагательныхъ. Зачѣмъ, при образованіи, говорить о склоненіи, или измѣненіи въ падежахъ? Склоненія бываютъ во всѣхъ прилагательныхъ, въ первообразныхъ и въ иныхъ. Прилагательныя имена не могутъ дѣлиться на субъективныя и объективныя, какъ глаголы: всѣ они субъективныя потому, что никогда прилагательное не можетъ требовать винительнаго падежа. Когда же станемъ называть объективными глаголы, требующіе какого

нибудь падежа съ предлогомъ или безъ предлога, тогда не останется ни одного глагола субъективнаго. Авторъ приводитъ въ примѣръ прилагательныя *любезный* и *знатный*. Положимъ, что *любезный* можетъ требовать дательнаго падежа: *любезный всѣмъ*, но *знатный* не требуетъ ни винительнаго, ни дательнаго падежа, слѣдственно ни съ какою натяжкою не можетъ сдѣлаться объективнымъ. Впрочемъ эти подробности относятся къ синтаксису, и здѣсь приведены авторомъ не у мѣста.

69. Въ § 235 авторъ говоритъ слегка и какъ будто мимоходомъ о прилагательныхъ притяжательныхъ. Этотъ пунктъ очень важенъ: прилагательныя притяжательныя, какъ общія *(генеральскій)*, такъ и частныя *(генераловъ)*, отличаются отъ другихъ и значеніемъ, и произведеніемъ, и измѣненіями своихъ окончаній. Ихъ слѣдовало бы изложить подробно и основательно. Въ примѣчаніи авторъ говоритъ, будто въ *нынѣшнемъ* Нѣмецкомъ Языкѣ употребляются только притяжательныя отъ именъ, означающихъ вещество, напримѣръ: golden, silbern, hölzern. Въ самомъ дѣлѣ? А thierisch, menschlich, männlich, weiblich, fürstlich, bäuerisch, kindlich, kindisch, hündisch?

70. Примѣчаніе къ § 236 оканчивается слѣдующимъ періодомъ: «Такъ какъ сказуемое выражается всегда «словомъ, означающимъ понятіе, то прилагательныя «отношенія величины, мѣста, времени употребляются «только въ значеніи принадлежности.» Темновато. Всякое прилагательное есть слово знаменательное, то есть заключаетъ въ себѣ понятіе. Неужели означающія величину *(великій, малый)*, мѣсто *(тамошній)*, время *(нынѣшній)*, не могутъ быть употреблены какъ сказуемое; напримѣръ: «домъ *великъ*; этотъ хлѣбъ (есть хлѣбъ) *вчерашній;* этотъ обычай (есть обычай) *ны-*

нѣшній?» Разница въ формѣ: у послѣднихъ нѣтъ усѣченія.

71. Въ § 241 сказано: «Означающія (притяжательныя) человѣка въ физическомъ отношеніи, разныя званія, полъ, возрастъ, кончатся на *ій;* напримѣръ: *человѣчій, пастушій, дѣвичій.»* А *собачій, кошачій, мышачій, медвѣжій, лисій,* развѣ относятся къ человѣку?

72. Тщетно искалъ я подробнаго изложенія свойствъ и образованія именъ прилагательныхъ уменьшительныхъ. Уже выше (67) сказано о странномъ дѣленіи неотносительныхъ степеней качественныхъ на начинательную, учащательную и совершенную. Авторъ не говоритъ, какая разница въ смыслѣ между уменьшительными *красноватъ* и *красненекъ. Красненекъ* отнюдь не учащательная степень, а уменьшительная привѣтственная форма. Это разъяснилъ очень умно и дѣльно, за сорокъ за восемь лѣтъ предъ симъ, А. Х. Востоковъ, на стр. 37-38 книги: *Руководство къ Россійской Словесности* (И. М. Борна), Спб. 1808. Едва вѣришь глазамъ, прочитавъ (въ § 245), что употребляется слово *тихинькій!* Гдѣ и кѣмъ? Какъ же въ усѣченномъ окончаніи? неужели *тихинекъ?* Для чего же послѣ этого не принять *худинькій, малинькій,* и т. п.!

73. Въ первомъ примѣчаніи къ § 245 говорится: «Безотносительнымъ степенямъ сравненія *подвергаются* (?) прилагательныя, означающія физическія качества «предметовъ, *пріобрѣтаемыя* (?) органами чувствъ: «*бѣловатъ, горьковатъ, шероховатъ;* напротивъ этимъ «измѣненіямъ не подлежатъ прилагательныя, выражающія качества душевныя: *умный, добрый.»* А *глуповатъ, плоховатъ, простоватъ, туповатъ, хитроватъ, гордоватъ, скуповатъ?*

74. Въ § 250: «Причастія, выражающія понятія

«дѣятельности; какъ прочія формы глаголовъ, не из«мѣняются по степенямъ сравненія, не смотря на одинакія (?) окончанія съ прилагательными.» Опять окончанія! Да развѣ имена прилагательныя потому имѣютъ степени сравненія, что кончатся на *ный*, *ное*, *ная*, *кій*, *кое*, *кая?* Причастія не имѣютъ степеней сравненія потому, что означаютъ не качество предмета, а дѣйствіе, въ которомъ есть выраженіе времени, а не качества. Далѣе: «Точно такъ же прилагательныя, въ «понятіи которыхъ не различается большая или меньшая «качественность, каковы: *золотой*, *мертвый*, *осенній*, «*холостой*, *женатый*, *вдовый*, *безрукій*, *двуглавый*, «равно и тѣ, которыя не допускаютъ противоположно«сти, н. п. *глухой*, *гусиный*, не имѣютъ степеней «сравненія.» Авторъ не замѣтилъ, что почти всѣ приведенныя имъ прилагательныя суть притяжательныя, а не качественныя, слѣдственно не выражаютъ качества, а потому и не могутъ имѣть степеней сравненія. Таковы: *золотой*, *осенній*, *безрукій*, *двуглавый*, *гусиный*. *Глухой* имѣетъ *глуше*; *мертвый*, *мертвѣе*. Прочія же, по смыслу своему, неотносительному, не могутъ имѣть степеней: кто можетъ быть *холостѣе*, *женатѣе* или *вдовѣе* другаго? Мнѣ кажется, тамъ не нужно письменныхъ правилъ, гдѣ самъ здравый смыслъ ихъ указываетъ.

75. Авторъ, изложивъ склоненіе прилагательныхъ неопредѣленныхъ (т. е. усѣченныхъ окончаній), приводитъ въ примѣръ прилагательное притяжательное *сестринъ*, и присовокупляетъ: «Такимъ же образомъ скло«няются притяжательныя мужескаго рода на *овъ*, *евъ*, «*ынъ*, *инъ*, женскаго на *ова*, *ева*, *ына*, *ина*, въ предл. «п. ед. и муж. ч. средн. р., имѣя *ѣ* вм. *омъ* (Петровъ «Петровѣ).» Нѣтъ! Эта форма склоненій должна на-

зваться склоненіемъ прилагательныхъ усѣченнаго окончанія, а отнюдь не неопредѣленныхъ. Къ тому должно прибавить, что по этой формѣ склоняются имена притяжательныя личныя (*купцевъ* домъ, *сестрина* шуба, *дядино* село). Къ нимъ принадлежатъ и имена фамильныя (*Петровъ, Кузьминъ*), также названія городовъ и селъ, но эти имена въ предложномъ падежѣ имѣютъ окончаніе *ѣ*, а не *омъ*, и тѣмъ отличаются отъ собственныхъ притяжательныхъ: «я говорю о *Петровомъ* дворцѣ; я говорю о капитанѣ *Петровѣ*.» Не лишнимъ было бы обратить вниманіе на переходъ притяжательныхъ прилагательныхъ (въ названіяхъ городовъ, селъ и т. д.) въ существительныя. *Кіевъ* и *Псковъ*, напримѣръ, очевидно были притяжательными, и потомъ, въ употребленіи, сдѣлались существительными: вмѣсто *Кіевымъ*, *Псковымъ*, говорятъ и пишутъ *Кіевомъ* и *Псковомъ*, и напротивъ: подъ *Борисовымъ*, за *Макарьевымъ*, за *Княгининымъ*.

76. Подъ таблицею прилагательныхъ полныхъ, (стр. 204) авторъ говоритъ: «По этой формѣ склоняемъ: «*добрая, доброй* и пр. *По ней же* склоняются прилагательныя качественныя положительной и сравнительной «степени.» Во-первыхъ, развѣ прилагательное *добрая* не качественное положительной степени? И во-вторыхъ, какимъ образомъ авторъ склоняетъ сравнительную степень: *бѣлѣе, чернѣе?* Въ ней нѣтъ ни какого склоненія: она есть нарѣчіе, что не худо было бы замѣтить. — Не знаю, почему авторъ приводитъ склоненіе притяжательнаго имени *господень* въ исключеніяхъ: оно склоняется правильно, по склоненію усѣченнаго окончанія.

77. Въ § 260 нарѣчіе опредѣлено слѣдующимъ образомъ: «Назначеніе нарѣчія (adverbium), какъ самое

«названіе показываетъ, состоитъ въ выраженіи каче-
«ства дѣйствія или обстоятельствъ другаго качества.» Слово *нарѣчіе* отнюдь этого не показываетъ. Слѣдовало бы сказать, что глаголъ встарину назывался *рѣчью*, и что отъ этого слова произошло *нарѣчіе*, какъ латинское adverbium отъ verbum, и греческое ἐπίῤῥημα отъ ῥῆμα. — «Качества дѣйствія и обстоятельства другаго качества?» Нѣтъ, качество и обстоятельство дѣйствія или другаго качества; напримѣръ: «пишетъ *плохо*», качество дѣйствія, и «пишетъ *теперь*», обстоятельство дѣйствія; «*скромно* величавый», качество качества, и «*очень* величавый,» обстоятельство качества.

78. О степеняхъ сравненія авторъ въ § 270 говоритъ: «Нарѣчія, происшедшія отъ именъ качественныхъ,
«подобно имъ, *подвержены* (?!) степенямъ сравненія.
«Когда сравниваемый предметъ *не упоминается* (?),
«тогда въ сравнительной степени нарѣчій прибавляется
«къ прилагательнымъ этой же степени предлогъ *по*,
«а для превосходной къ положительной степени при-
«лагательныхъ приставка *пре*, н. п. *поскорѣе*, *покрѣпче*,
«*погромче*, *прéскоро*, *прекрѣпко*, *прегромко*.» Нѣтъ! Сравнительная степень прилагательныхъ, въ усѣченномъ окончаніи, есть уже сама собою нарѣчіе, то есть слово, присовокупляемое не къ имени, а къ глаголу, и потому не имѣющее ни рода, ни числа, ни падежа, и вообще употребляется, какъ сказуемое, послѣ глагола *быть*; напримѣръ: «Швеція (есть) *холоднѣе* Франціи; Спарта была *сильнѣе* Аѳинъ,» или какъ обстоятельство дѣйствія: «читай *громче*.» — Авторъ говоритъ о томъ случаѣ, когда сравниваемый предметъ не упоминается. Да нарѣчіе и не бываетъ при наименованіи предмета, т. е. при существительномъ: имъ опредѣляется глаголъ или

прилагательное, означающіе дѣйствіе или качество предмета, а не самый предметъ. Употребленіе приставки или предлога *по* опредѣлено неправильно. Этотъ предлогъ прибавляется къ сравнительной степени нарѣчія, когда должно выразить малую степень качества или дѣйствія: «читай *погромче*,» значитъ: немного громче. Скажутъ: да тутъ не упоминается предметъ. Не упоминается, но подразумѣвается: «*ты* читай.» Въ предложеніи: «Тверь *побольше* Новагорода,» находимъ *два* предмета: подлежащее и дополненіе сказуемаго, а нарѣчіе употреблено съ предлогомъ *по*. Приставка *пре* отнюдь не выражаетъ превосходной степени: это только усиленіе качества предмета: *премного* значитъ *очень много*, а не то, что *больше всего*.

79. Въ слѣдующемъ засимъ § 271 говорится, отъ какихъ нарѣчій и именъ происходятъ предлоги и союзы. Эти наблюденія здѣсь не на мѣстѣ: они могутъ быть приведены въ главахъ о происхожденіи и образованіи предлоговъ и союзовъ, особенно потому, что предлоги и союзы изложены въ главахъ, слѣдующихъ за главою о нарѣчіи, слѣдственно ихъ свойство читателю и учащемуся еще не извѣстно.

80. Въ § 273 начинается глава о мѣстоименіи толкованіемъ: къ чему *служило* мѣстоименіе. Это не такъ. Слѣдовало бы сказать что̀ такое есть мѣстоименіе, опредѣлить его, а потомъ уже говорить къ чему оно служило и служитъ, и какъ развились мѣстоименія одно изъ другаго. Въ примѣчаніи къ этому параграфу авторъ жалуется на сбивчивость опредѣленія мѣстоименій, а самъ не опредѣлилъ ихъ никакъ. Здѣсь сдѣлано еще замѣчаніе: «Эта часть представляетъ совершенное (?) «тождество въ языкахъ соплеменныхъ (съ Русскимъ?),

«рѣзкое различіе въ языкахъ разнородныхъ.» Мнѣ кажется, что такова участь всѣхъ частей рѣчи: русскіе имена, глаголы, прилагательныя болѣе схожи съ польскими, богемскими, сербскими, нежели съ нѣмецкими, латинскими, греческими, санскритскими, арабскими, американскими и пр.

81. Въ § 274 авторъ повторяетъ сказанное имъ выше (§ 126), будто мѣстоименіе развивается (и еще органически) изъ глагола, а въ § 277 называетъ личныя мѣстоименія отдѣлившимися окончаніями личнаго глагола. Повторяю и я, что между окончаніями русскаго мѣстоименія и окончаніями спряженій нѣтъ ничего общаго. (См. выше, 46.)

82. Тамъ же сказано: «Имена собственныя отличаютъ «предметъ отъ подобныхъ однородныхъ предметовъ, «н. п. одинъ городъ называемъ Москвою, другой Пе«тербургомъ и т. д., или одного человѣка называемъ «Алексѣя, другаго Иваномъ и т. д. Но мѣсто«именія и между этими предметами отличаютъ тѣ лица «и тѣ предметы (слѣдствено лице не предметъ?), ко«торые должны быть представлены предъ *нами при«сутствующими*. Выраженія: *наша* Москва, *нашъ* Але«ксѣй, совершенно выполняютъ такое требованіе.» Примѣры здѣсь выбраны не совсѣмъ удачно. *Нашъ Алексѣй*, такъ: нужно отличить одного Алексѣя отъ другаго. Но какую *Москву* должно отличить отъ Москвы? Развѣ гостиницу подъ этимъ названіемъ. *Наша* Москва значитъ принадлежащая намъ, родная, любезная намъ. Замѣтимъ еще неизвинительное совмѣщеніе двухъ творительныхъ падежей, *нами присутствующими*.

83. «§ 276. Личныя мѣстоименія выражаютъ только «отношенія сказуемаго (?) къ первому, второму или

«третьему лицу глагола, означаютъ бытіе не какъ по-«нятіе, а какъ отношеніе, и показываютъ, самъ ли го-«ворящій предъ нами находится, или тотъ, которому «говорится, или наконецъ лице, о которомъ говорится.» Не понимаю что значитъ отношеніе сказуемаго къ лицу глагола, ибо глаголъ самъ содержитъ въ себѣ сказуемое, но еще менѣе могу постигнуть необходимость, чтобъ говорящій или тотъ, которому говорится, или же лице (а не предметъ вообще?), о которомъ говорится, *находились предъ нами*. Находится ли предъ нами Рюрикъ, когда мы о немъ говоримъ: «Онъ основалъ Россійское Государство?» Братъ пишетъ ко мнѣ изъ Одессы: «Я, слава Богу, здоровъ.» Находится ли онъ предо мною? Я отвѣчаю ему: «Ты давно не писалъ ко мнѣ.» Слѣдуетъ ли изъ того, что онъ находится передо мною?

84. Авторъ (въ § 262) толкуетъ о мѣстоименіяхъ польскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, латинскихъ, греческихъ, готскихъ, санскритскихъ, американскихъ, кельтскихъ, англійскихъ, англосаксонскихъ, аллеманскихъ, но далеко не исчерпалъ русскихъ; напримѣръ: у него не сказано, что приставкою *н* отличается мѣстоименіе личное отъ притяжательнаго: «я былъ *у него*, и я былъ *у его* брата.»

85. Въ примѣчаніи къ § 283 авторъ говоритъ, что въ Нѣмецкомъ Языкѣ есть особая форма притяжательнаго мѣстоименія, вошедшая въ употребленіе не слишкомъ давно (т. е. послѣ Лютера): der meinige, der deinige, вм. der meine, der deine. Да что значитъ эта форма? Она то же, что во Французскомъ Языкѣ le mien, le tien, le nôtre, le vôtre, т. е. мѣстоименія притяжательныя самостоятельныя, употребляемыя безъ существи-

тельнаго, которое упомянуто выше и при нихъ только подразумѣвается. Напримѣръ: Ich lese dein Buch, und du liest das meinige. Je lis ton livre et tu lis le mien. У насъ можно выразить это обыкновеннымъ притяжательнымъ мѣстоименіемъ *(я читаю твою книгу, а ты читаешь мою)*, но только въ двухъ первыхъ лицахъ; въ третьемъ, заимствуемомъ у мѣстоименія личнаго, это невозможно. Er liest mein Buch und ich lese das seinige. Il lit mon livre et moi je lis le sien. У насъ же выйдетъ: «Онъ читаетъ мою книгу, а я *его*.» Здѣсь непремѣнно нужно повторить слово *книгу*, или выразиться другимъ оборотомъ. Вотъ истинный предметъ изслѣдованій Сравнительной Русской Грамматики! Укажите намъ свойства русской рѣчи, духъ ея, превосходства и недостатки; дайте способы и средства находить выраженія и обороты для передачи понятій и мыслей, которыя легко и постижимо излагаются на языкахъ чуждыхъ. Еще замѣчаніе. Авторъ хотѣлъ познакомить насъ съ употребленіемъ мѣстоименій прилагательныхъ и замѣнительныхъ, существующихъ въ Нѣмецкомъ и Французскомъ Языкахъ. Но къ чему знать намъ, что встарину эти мѣстоименія въ Нѣмецкомъ Языкѣ имѣли форму: der meine, а теперь пишутъ: der meinige? Это дѣло Грамматики Нѣмецкой.

86. Въ § 286 изложено, на цѣлой страницѣ, употребленіе мѣстоименія *тотъ* вмѣсто личнаго 3-го лица, но такъ пространно и темно, что въ немъ трудно добиться толку. Можно было выразить это пятью строками гораздо дѣльнѣе и яснѣе.

87. Въ § 287 авторъ говоритъ о главныхъ и придаточныхъ предложеніяхъ, которыя опредѣлены имъ не прежде, какъ въ § 474. Если скажутъ въ возраженіе,

что авторъ, вѣроятно, писалъ свою книгу для людей, уже знающихъ грамматику, спрошу: зачѣмъ же онъ трудился? Ученаго учить только портить. Оставимъ это въ сторонѣ, и разсмотримъ главное дѣло. Вотъ что сказано въ этомъ параграфѣ: «Относительныя мѣсто- «именія опредѣляютъ придаточнымъ предложеніемъ под- «лежащее или сказуемое и другія части предложенія «главнаго.» Это не то: относительныя мѣстоименія ничего не опредѣляютъ; они только выражаютъ отношеніе придаточнаго (и то прилагательнаго только) предложенія къ главному, замѣняя въ первомъ подлежащее или дополненіе. «Домъ, *который* построенъ недавно, сгорѣлъ вчера. Человѣкъ, *котораго* вы ищете, уѣхалъ въ Москву.»

88. Въ § 288 авторъ говоритъ: «Это мѣстоименіе (*что*, въ значеніи относительнаго) употребляется *даже* «и во мн. ч.» (то есть въ смыслѣ множественнаго числа или при имени существительномъ, употребленномъ во множественномъ числѣ), «н. п. деньги, что на немъ «были, уплачены.» Что это значитъ? Деньги, которыя были (положимъ) *на немъ*, пропали, такъ. Но деньги, бывшія *на немъ*, уплачены? Вѣроятно, это опечатка вм. *долги*, но такъ напечатано во всѣхъ трехъ изданіяхъ, съ 1852 года, и въ четыре года никто не замѣтилъ опечатки, если это опечатка.

89. Въ § 289 приведены примѣры: «*Я, который вамъ другъ; ты, который такъ думаешь.*» Эти обороты никакъ не могутъ быть допущены въ грамотномъ слогѣ.

90. Въ § 293, при указаніи различія между мѣстоименіями *никто* и *ничто*, сказано: «Первое *говорится* о лицахъ, второе о вещахъ.» Мѣстоименіе не говорится, а *употребляется* въ рѣчи.

91. Можно было бы сказать кое-что о правилахъ склоненія мѣстоименій, очень подробныхъ и мелочныхъ съ опущеніемъ существеннаго, но, боясь наскучить моимъ читателямъ, упомяну только, что авторъ выпустилъ изъ виду характеристическую черту, отдѣляющую склоненіе прилагательныхъ мѣстоименій отъ склоненія прилагательныхъ именъ, а именно, что въ родительномъ падежѣ мѣстоименій употребляются окончанія *ого* и *его*, вм. *аго* и *яго* (*этого*, *моего*; *добраго*, *синяго*).

Въ § 298 авторъ говоритъ, что мѣстоименія отличаются, въ нѣкоторыхъ падежахъ, отъ прилагательныхъ (т. е. именъ прилагательныхъ) удареніемъ: въ именахъ прилагательныхъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ и еще далѣе отъ конца: *дóбраго*, *дóброму*, а въ мѣстоименіяхъ на послѣднемъ: *своегó*, *тогó*, *томý*. А *э́того*, *какóго*, *котóраго*, *óнаго*, *вáшего*, *нáшему?*

92. Съ § 299 начинается глава объ именахъ числительныхъ. За недостаточнымъ, отрицательнымъ опредѣленіемъ числительнаго имени слѣдуетъ примѣчаніе: «Числовое отношеніе, какъ *повтореніе* (?) предмета «въ пространствѣ, собственно принадлежитъ къ *про*-«*странственной* формѣ воззрѣнія, и какъ продолженіе «времени, оно соотвѣтствуетъ извѣстному *простран*-«*ству*. Отъ этой взаимности *пространства* и времени, «мы иногда измѣряемъ разстояніе мѣстъ часами, и пр., и «говоримъ: «Петровскій Дворецъ въ Москвѣ на (?) часъ «ѣзды отъ Кремля.» Идетъ ли это къ изложенію свойства именъ числительныхъ въ грамматическомъ отношеніи? Это относится къ ариѳметикѣ.

93. Въ § 300 авторъ хлопочетъ о различіи именъ числительныхъ и мѣстоименій. Да кто въ состояніи ихъ смѣшивать? Нѣкоторыя мѣстоименія замѣняютъ

имя числительное, какъ другія употребляются вмѣсто именъ существительныхъ и прилагательныхъ, и никто ихъ не смѣшаетъ.

94. Въ примѣчаніи къ § 306 авторъ говоритъ, что слово *дюжина* одного происхожденія съ нѣмецкимъ Dutzend и французскимъ douzaine. Слѣдовало бы сказать: «Это слово происходитъ отъ латинскаго *duodecim*, составленнаго изъ словъ *duo* и *decem*, и находится во многихъ европейскихъ языкахъ, а именно: въ Италіянскомъ *dozina*, Французскомъ *douzaine*, Испанскомъ *dozena*, Шведскомъ *dussin*, Датскомъ *dusin*, Англійскомъ *dosen*, Средневѣковомъ Латинскомъ *duzena*, *dozena*.» Все это можно легко найти въ любомъ сравнительномъ лексиконѣ.

95. Замѣчательно, что авторъ нигдѣ не говоритъ, какая часть или частица рѣчи словечко *бы:* въ § 138, говоря о образованіи сослагательнаго наклоненія глаголовъ, онъ пишетъ: «Сослагательное наклоненіе имѣетъ только одну форму, прошедшее время изъявительнаго наклоненія съ *бы*.» А что такое *бы*, нарѣчіе, союзъ или что иное, о томъ нигдѣ не упоминается. Впрочемъ *бы* употребляется не съ однимъ изъявительнымъ наклоненіемъ; напримѣръ: «Колоть *бы* тебѣ дрова, а не картины писать.»

96. Въ § 343 (послѣднемъ въ первой части) авторъ называетъ междометіями усѣченныя окончанія глаголовъ: *толкъ*, *хвать*, вмѣсто *толкнулъ*, *хватилъ*. Но эти формы глагола только тогда могутъ назваться междометіями, когда въ нихъ слышно звукоподражаніе: *бухъ*, *хлопъ*, *цапъ*. Въ противномъ случаѣ онѣ только усѣченныя окончанія глаголовъ, какъ *оглохъ*, *ослѣпъ*, *умолкъ*, *исторгъ*, и т. п.

97. Обращаюсь ко второй части: *Словосочиненіе*.

И эта часть начинается повтореніемъ прежнихъ толкованій объ органическомъ свойствѣ языка, о вліяніи на него *дыханія живой мысли*, о связи мысли съ словомъ, грамматики съ логикою.

Въ § 346 авторъ приступаетъ къ разбору и опредѣленію предложенія и частей его. Къ чему это? Въ первой части Грамматики говорилъ онъ неоднократно о предложеніяхъ, о сказуемомъ, о подлежащемъ, о дополненіяхъ: зачѣмъ же здѣсь толковать о нихъ вновь?

98. Опредѣленіе сказуемаго (въ §§ 346 и 347) кажется мнѣ неосновательнымъ. Не могу согласиться, чтобъ глаголъ совокупный (то есть всякій глаголъ, кромѣ существительнаго *быть*) могъ назваться сказуемымъ: сказуемое составляетъ часть его. Предложеніе состоитъ изъ трехъ частей: подлежащаго (*Петръ*), сказуемаго (*великъ*) и связки (*былъ*). Связка и сказуемое обыкновенно сливаются въ совокупномъ глаголѣ: «Петръ *побѣждалъ*, то есть *былъ побѣждающъ*.» Вотъ общая форма предложеній во всѣхъ языкахъ. Въ Русскомъ Языкѣ форма эта измѣняется тѣмъ, что прилагательное, которымъ выражаемъ сказуемое, употребляется въ этомъ случаѣ въ усѣченномъ окончаніи, отличающемъ его отъ прилагательнаго опредѣлительнаго («домъ былъ *старъ*, и *старый* домъ»), и что слова: *есть*, *суть*, выражающія связку, въ настоящемъ времени опускаются, но всегда подразумѣваются. Напрасно авторъ говоритъ, что связка (выражаемая собственно глаголомъ *есть*), большею частію означается окончаніемъ сказуемаго. Сказуемое есть имя прилагательное (*бѣлъ*, *новъ*, *старъ*, *уменъ*) или усѣченное причастіе страдательное (*начатъ*, *конченъ*, *отнятъ*), не имѣющее

значенія времени, заключающагося въ глаголѣ *есть*, *суть*. Въ будущемъ и прошедшемъ это очевидно: «*былъ* великъ, *будетъ* почтенъ.» Если бъ усѣченнымъ окончаніемъ прилагательнаго или страдательнаго причастія выражался глаголъ, явились бы въ послѣднемъ случаѣ два глагола, а двухъ глаголовъ въ простомъ предложеніи быть не можетъ.

99. «§ 348. Сказуемое составляетъ содержаніе пред-«ложенія, выполняетъ цѣль и задачу сужденія — опре-«дѣлить частное посредствомъ общаго. Отъ того «иногда цѣлое предложеніе выражается однимъ сказуе-«мымъ. Такъ говоримъ: *пришелъ*, *увидѣлъ*, *побѣдилъ*. «Здѣсь въ трехъ словахъ заключаются три предложе-«нія.» Здѣсь выказывается вся ошибочность предъидущихъ опредѣленій. Если сказуемое одно можетъ выразить смыслъ предложенія, отчего же сказуемыя: *бѣлъ*, *ново*, *куплено*, его не выражаютъ? Спрашивается: кто *бѣлъ?* что *ново*? что *куплено*? Дѣло въ томъ, что не сказуемое, а глаголъ, отдѣльно ли взятый существительный (*есть*, *суть*, *былъ*, *буду*) или совокупный, заключающій въ себѣ значеніе глагола существительнаго и сказуемаго, даетъ жизнь и существованіе предложенію, а не прилагательное. Спрашиваю: составляютъ ли полное предложеніе слова: *читаю книгу?* Разумѣется. Какое же тутъ опредѣленіе частнаго посредствомъ общаго? — Примѣръ, приведенный авторомъ въ семъ случаѣ, выбранъ неудачно. *Пришелъ*, *увидѣлъ*, *побѣдилъ*, неполный переводъ Цесарева: veni, vidi, vici. Въ Латинскомъ Языкѣ окончаніе глагола показываетъ, что онъ употребленъ въ первомъ лицѣ, слѣдственно въ немъ выражается и подлежащее. У насъ этого нѣтъ: не знаешь кто (*я*, *ты* или *онъ*) пришелъ, увидѣлъ, по-

бѣдилъ. Тутъ нѣтъ подлежащаго. Въ Русскомъ Языкѣ, для выраженія того, что хотѣлъ сказать сочинитель, слѣдовало бы привести въ примѣръ глаголы въ настоящемъ времени, выражающемъ лица: *хожу*, *гляжу*, *зѣваю*.

100. «§ 349. Предложеніе, состоящее изъ одного подлежащаго и одного сказуемаго, называется *простымъ*, «потому что выражаетъ одно сужденіе. Предложеніе, «въ которомъ находится больше одного сужденія, называется *сложнымъ*. Въ простомъ предложеніи подлежащее и сказуемое бываютъ *несоставныя*, когда понятія ихъ не развиты ни какими другими понятіями. «Напримѣръ: *Богъ всемогущъ. Мы должны любить и «почитать родителей нашихъ, потому что это заповѣдь Божія. Прекрасна природа. Божій міръ прекрасенъ и великолѣпенъ*. Предложенія, соединяемыя «въ одно предложеніе союзами и безъ союзовъ, «могутъ сливаться между собою, когда у нихъ есть «какой либо членъ общій, то есть одно и то же «подлежащее или сказуемое, дополняемое и опредѣляемое. Предложеніе, въ которомъ нѣсколько членовъ чрезъ сліяніе относятся къ одному общему «члену, называется *слитнымъ*. Примѣръ: *Богобоязненное просвѣщеніе, искренняя любовь къ царямъ и отечеству зиждутъ славу и величіе царствъ и народовъ*. «Сліяніе предложеній *преимущественно* встрѣчается при «соединеніи *главныхъ* предложеній.»

Объ этомъ параграфѣ можно бъ было написать много. Во-первыхъ, по изложенію его. Примѣры разнородныхъ предложеній приведены авторомъ безъ всякаго указанія, которое изъ нихъ относится именно къ тому или другому отдѣлу, т. е. простыхъ и сложныхъ. Выраженіе:

соединяемыя въ одно, заключаетъ въ себѣ плеонасмъ, какихъ слѣдовало бы избѣгать въ книгѣ о Русскомъ Языкѣ. Говорится о дополненіяхъ и опредѣленіяхъ, а значеніе и свойство ихъ еще не показаны: это изложено въ слѣдующихъ параграфахъ. Точно такимъ образомъ въ § 349 упоминается о *главныхъ* предложеніяхъ, а свойство ихъ указано не прежде какъ въ § 474, чрезъ сто двадцать пять параграфовъ!

Во-вторыхъ, по содержанію. Никакъ не могу согласиться, чтобъ простымъ предложеніемъ было то, въ которомъ *одно* подлежащее и *одно* сказуемое. Что значитъ: «въ простомъ предложеніи подлежащее и сказуемое бываютъ несоставныя, когда понятія ихъ не развиты ни какими другими понятіями?» Темно и непонятно. По моему мнѣнію, распутать этотъ узелъ можно слѣдующими выводами.

Подлежащее можетъ быть простое или сложное. Въ простомъ подлежащемъ говорится объ одномъ предметѣ или же о многихъ предметахъ, выражаемыхъ однимъ именемъ во множественномъ числѣ или именемъ собирательнымъ. Въ предложеніяхъ: «*Рѣка* течетъ, *рѣки* текутъ,» слова *рѣка* и *рѣки* суть подлежащія простыя. Въ сложномъ подлежащемъ говорится о двухъ предметахъ и болѣе: «*Рѣка и ручей* текутъ.»

Сказуемое бываетъ простое, когда выражаетъ одно какое либо качество подлежащаго: «Рѣка *быстра*. Вода была *холодна*. Цвѣты будутъ *дороги*.» Оно бываетъ сложное, выражая болѣе одного качества подлежащаго: «Рѣка *быстра* и *камениста*. Вода была *холодна* и *мутна*. Цвѣты будутъ *рѣдки* и *дороги*.»

Между тѣмъ всѣ эти предложенія простыя, по тому именно, что въ нихъ *одно* сужденіе. А въ чемъ за-

ключается сужденіе? Въ глаголѣ, безъ котораго сужденія быть не можетъ. Во всѣхъ этихъ предложеніяхъ по одному глаголу: *течетъ*, *текутъ*, *была*, *будутъ*, и тамъ, гдѣ не высказано глагола (въ настоящемъ времени *есть*, *суть*), онъ подразумѣвается. Слѣдственно сложное предложеніе есть то, въ которомъ болѣе одного глагола. И сложность предложенія ни мало не зависитъ отъ сложности подлежащаго или сказуемаго. Слитный членъ предложенія есть не иное что, какъ подлежащее или сказуемое сложное. — Несоставное и составное подлежащее или сказуемое различаются тѣмъ, что первыя состоятъ изъ одного знаменательнаго слова, а послѣднія выражаются двумя знаменательными словами или болѣе, относящимися къ одному предмету или качеству. Несоставныя подлежащее и сказуемое: *Дерево высоко*. Составныя: *Это прекрасное дерево очень высоко*.

Вотъ какъ простъ и понятенъ предметъ, изложенный въ §§ 348 и 349!

101. «§ 351. Опредѣлительными слова (?) въ пред- «ложеніи называются тѣ, которыя поясняютъ понятіе о «предметѣ указаніемъ его примѣтъ видовыхъ или еди- «ничныхъ; напр. міръ *Божій*; *мой* домъ; *прекрасная* «природа.» Это опредѣленіе не полно. Опредѣлительныя слова употребляются не только при подлежащемъ, но и при сказуемомъ, при дополненіи и при глаголѣ, означая при послѣднемъ качество, признакъ и обстоятельство дѣйствія. «Опредѣлительное слово съ опредѣ- «ляемымъ составляетъ одно понятіе о предметѣ, какъ «сказуемое съ подлежащимъ составляетъ одно сужде- «ніе.» Выше доказано, что сужденіе заключается не въ подлежащемъ и не въ сказуемомъ, а въ глаголѣ.

«Опредѣлительное слово есть членъ подчиняющій, а «опредѣляемое—подчиненный.» Мнѣ это кажется не такъ. «*Новая башня* сгорѣла.» Которое слово здѣсь опредѣляемое? *Башня.* А опредѣлительное? *Новая.* Которое слово есть подчиняющее? *Башня*, членъ опредѣляемый. Которое слово есть подчиненное? *Новая*, членъ опредѣлительный. Въ чемъ состоитъ подчиненіе? Въ томъ, что опредѣляемое слово требуетъ въ опредѣляющемъ извѣстнаго рода, числа и падежа.

102. Въ § 352 говорится о дополненіяхъ: «Дополни-«тельными словами называются тѣ, которыя поясняютъ «понятіе о признакѣ, н. п. дѣйствіи или качествѣ.» (Дѣйствіе не можетъ быть признакомъ.) «Дополнитель-«ное слово съ дополняемымъ выражаетъ одно поня-«тіе о признакѣ, какъ опредѣлительное съ опредѣляе-«мымъ одно понятіе о предметѣ, и дополненіе есть «членъ подчиняющій, а дополняемое подчиненный, по-«тому что дополненіе, какъ опредѣленіе, составляетъ «содержаніе понятія.» Едва вѣришь глазамъ, читая эти строки въ Общесравнительной Грамматикѣ! Авторъ ея видитъ въ опредѣленіи поясненіе предмета, а въ дополненіи поясненіе дѣйствія или качества. Различіе опредѣленій и дополненій введено впервые въ разборъ русской фразы Гречемъ: обратимся къ его изложенію сихъ частей предложенія. Что есть опредѣленіе? Выраженіе качества предмета, дѣйствія или другаго качества, именами прилагательными и нарѣчіями: «*Прекрасная* роза отцвѣтаетъ *скоро*. *Весьма полезная* книга куплена *дешево*.» *Прекрасная*, *скоро*, *весьма*, *полезная*, *дешево* суть опредѣленія, отвѣты на вопросы: какая роза? какая книга? какъ цвѣтетъ? какъ куплена? Дополненіемъ же выражаются: во-первыхъ, предметъ дѣйствія подлежащаго; во вторыхъ, качество

предмета, обстоятельства, мѣсто и время дѣйствія. Дополненія состоятъ изъ именъ существительныхъ въ косвенномъ падежѣ или изъ частей рѣчи, замѣняющихъ имена: «Слезы *благодарности* отрадны. Человѣкъ *съ умомъ* не пропадетъ. Червь точитъ *дерево*. Дайте мнѣ *питье*. Дайте мнѣ *пить*.» Изъ этого можно видѣть, что и опредѣленія и дополненія могутъ быть равно и при подлежащемъ и при сказуемомъ, и что они разнятся между собою только тѣмъ, какою частью рѣчи выражаются. И въ параграфѣ о дополненіяхъ встрѣчается ошибочное мнѣніе, будто дополненіе есть членъ подчиняемый, а дополняемое подчиненный. Объяснимъ это примѣромъ: «*Солнце* освѣщаетъ *землю*.» Здѣсь *солнце* подлежащее, *освѣщаетъ* глаголъ, *землю* дополненіе. Что такое глаголъ? Дополняемое. Чѣмъ онъ управляетъ? Дополненіемъ. Какимъ образомъ? Требуя въ имени, выражающемъ сіе дополненіе, винительнаго падежа.

103. Замѣчательно, что авторъ, говоря объ опредѣленіяхъ, выпустилъ приложеніе (appositio); напримѣръ: «Братъ вашъ, *человѣкъ умный*, всѣмъ нравится.»

104. Во второй главѣ авторъ разбираетъ подробно всѣ части предложенія, начиная съ сказуемаго. Не могу не замѣтить въ § 362 неясности и сбивчивости изложенія; напримѣръ: «Дѣятельность изоб«ражается глаголомъ *быть* съ причастіемъ или глаго«ломъ личнымъ.» Что это значитъ: изображается ли дѣятельность глаголомъ *быть* съ причастіемъ и *съ* глаголомъ личнымъ, или же изображается она глаголомъ личнымъ или глаголомъ *быть* съ причастіемъ. Эта обоюдность и неясность происходятъ отъ смѣшенія творительныхъ падежей: не знаешь, къ чему именно ка-

ждый изъ нихъ относится. Авторъ могъ бы избѣжать этого, употребивъ, напримѣръ, слѣдующій оборотъ: «Дѣятельность изображаютъ: во-первыхъ, глаголъ *быть* съ причастіемъ страдательнымъ, и во-вторыхъ, глаголъ личный,» и т. д.

Далѣе: «Дѣятельность выражается причастіемъ *дѣй-«ствительнымъ* или прилагательнымъ.» Темно: подумаешь, что есть причастія *не* прилагательныя. Слѣдовало бы сказать: «причастіемъ дѣйствительнымъ или именемъ прилагательнымъ.» Та же неясность господствуетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Причастіемъ страдательнымъ и прилагательнымъ.» И содержаніе этихъ правилъ кажется мнѣ неосновательнымъ. Авторъ говоритъ, что «бытіе предметовъ выражается глаголомъ *быть* (ты *былъ*, ты *есь*, ты *будешь* ввѣкъ).» Слѣдовало бы различить двоякое употребленіе глагола *быть*: онъ, во-первыхъ, служитъ связкою («ты *былъ* боленъ»), а во-вторыхъ, означаетъ существованіе предмета. «*Ты былъ, ты есь, ты будешь ввѣкъ*,» значитъ: ты существовалъ, существуешь и будешь существовать. Въ этомъ значеніи, глаголъ *быть* есть средній, ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ глаголовъ этого разряда: *существуетъ, пребываетъ, находится, имѣется*, и т. п. Дѣятельность изображается глаголомъ совокупнымъ, заключающимъ въ себѣ смыслъ связки и сказуемаго, но глаголъ *быть*, отдѣльно взятый, повторяю, есть связка, и отнюдь не составляетъ части сказуемаго. Авторъ, утверждая, что дѣятельность въ сказуемомъ выражается причастіемъ дѣйствительнымъ или прилагательнымъ (т. е. именемъ прилагательнымъ), приводитъ въ примѣръ одно имя прилагательное: «долгъ платежемъ *красенъ*,» и не безъ причины, ибо дѣйствительное причастіе никогда не мо-

жетъ быть сказуемымъ. Можно ли сказать, напримѣръ: «Мой братъ былъ *пишущъ* или *пишущимъ* письмо?» — Третьимъ свойствомъ сказуемаго (первое было бытіе, второе дѣятельность) авторъ именуетъ качественность его, и говоритъ: «Качественность предмета или его опредѣленіе, выражается прилагательнымъ, глаголомъ *быть* съ именемъ существительнымъ или глаголомъ, произведеннымъ отъ имени существительнаго: Жизнь *есть* небесъ мгновенный даръ.» Вотъ какъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ изложить это сужденіе: качественность предмета въ сказуемомъ выражается именемъ прилагательнымъ, употребленнымъ въ усѣченномъ окончаніи («снѣгъ есть *бѣлъ*, ночь была *тиха*, день будетъ *жарокъ*»), именемъ существительнымъ («Курскъ есть *городъ*»), и глаголомъ въ неокончательномъ (если угодно, неопредѣленномъ наклоненіи): «долгъ твой (есть) *служить*, т. е. служба.» Замѣчательно, что авторъ, въ § 92, рѣшительно говоритъ: «Всѣ коренныя слова въ языкѣ глаголы, и всѣ коренныя понятія—понятія дѣятельности.» Здѣсь же (въ § 362) являются *глаголы, произведенные отъ имени существительнаго*. Въ примѣрѣ: «Жизнь есть небесъ мгновенный даръ,» сказуемое (*даръ*) есть не глаголъ, происходящій отъ существительнаго, а существительное, происходящее отъ глагола *дать*. Слѣдовало бы здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Общесравнительной Грамматики, подкрѣпить и пояснить правила и выводы автора удовлетворительными примѣрами.

105. Въ 1-мъ и 2-мъ примѣчаніяхъ къ § 362 авторъ наконецъ говоритъ о существованіи связки въ предложеніи, выражаемой глаголомъ *быть*, но упоминаетъ о ней мимоходомъ, какъ о предметѣ неважномъ, несуществен-

номъ, и прибавляетъ: «Кромѣ глагола быть, въ такомъ «значеніи употребляются глаголы *бывать*, *стать*, *жить*, «*значить*.» Глаголъ *бывать* есть только другой видъ того же глагола *быть*. Глаголъ *стать* долженъ быть именно упомянутъ и отличенъ, какъ существительный начинательный. Глаголы же *жить*, *значить* выражаютъ не связь подлежащаго со сказуемымъ, а существованіе подлежащаго. Къ нимъ относятся и многіе другіе глаголы, напримѣръ: *существовать*, *находиться* и т. п., но все это не связка.

106. Въ примѣчаніи 4-мъ сказано: «Въ сказуемомъ «можетъ быть только указано на то, что мы мы-«слимъ, безъ означенія самаго бытія, дѣятельности «или качественности: это указаніе выражается глаголомъ «*быть* съ мѣстоименіемъ. Таково указаніе въ пред-«ложеніи: *этотъ домъ мой*.» Не постигаю этого. «Этотъ домъ *мой*,» есть сокращеніе предложенія: «Этотъ домъ *есть* мой домъ.»

107. Въ § 364 начинается изложеніе наклоненій слѣдующею фразою: «Все мыслимое, какъ произведеніе «духа, находится въ слѣдующихъ отношеніяхъ: или «къ самому духу, или къ предметамъ, съ которыми «различно соприкасается.» Признаюсь, я этого періода вовсе не понимаю.

108. Въ § 372, авторъ, толкуя объ употребленіи повелительнаго наклоненія, говоритъ: «Повелительное «наклоненіе употребляется, когда соединеніе сказуемаго «съ подлежащимъ представляемъ себѣ непремѣннымъ «или необходимымъ. Необходимость лежитъ въ лицѣ, «исполняющемъ волю говорящаго.» Позвольте спросить: если я скажу кому нибудь: «*подай мнѣ руку*,» какая тутъ непремѣнность, необходимость? Далѣе: «Когда

«нужно выразить такую волю, въ исполненіи которой «лице говорящее само принимаетъ участіе; тогда по-«велительное наклоненіе вида неопредѣленно-кратнаго «образуется съ помощью глагола: *давайте* и *ста-«немъ.*» Совсѣмъ нѣтъ! Эта воля, въ которой лице говорящее само принимаетъ участіе, выражается первымъ лицемъ множественнаго числа глагола будущáго времени въ совершенномъ видѣ: *станемъ-те, пойдемъ-те, сядемъ-те, начнемъ-те. Давайте* есть особое народное выраженіе, идіотисмъ, идущій въ лексиконъ, а не въ грамматику. — Еще: «Высшая степень «воли изображается неопредѣленнымъ: *Быть по сему.* «*Сразить иль пасть.* Такой оборотъ встрѣчается при «выраженіи закона или правила жизни.» Нѣтъ, въ этомъ оборотѣ является свойственное повелительному наклоненію сокращеніе: «Дѣло сіе имѣетъ *быть по сему.* Намъ остается *сразить или пасть.*» Какой законъ, какое правило жизни заключаются въ словахъ: *Молчать!* (т. е. ты долженъ молчать.) *Сидѣть* смирно!

109. «§ 374. Для трехъ различныхъ представленій «дѣйствія во времени, мы имѣемъ три времени: на-«стоящее, прошедшее и будущее. Основною формою «измѣненій глагола по временамъ служитъ глаголъ «*есмь*: число его временъ одно и то же для всѣхъ «глаголовъ. Въ Русскомъ Языкѣ глаголъ *есмь* имѣетъ «*только* три времени: столько же временъ имѣютъ и «прочіе глаголы.» Мнѣ кажется, что во всѣхъ языкахъ въ мірѣ могутъ существовать *только* три главныя показанныя здѣсь времени.

110. Въ распредѣленіи русскихъ глаголовъ (§ 379) приводятся въ примѣръ многократнаго вида мѣста изъ пѣсни:

Не *пропархивалъ* тутъ младъ бѣлой кречетъ,
Не *пролетывалъ* тутъ ни сизой орелъ.

Ни тотъ, ни другой изъ этихъ глаголовъ не можетъ назваться видомъ многократнымъ, ибо въ обоихъ есть настоящее время (*пропархиваетъ*, *пролетываетъ*), котораго, по словамъ самого автора (§ 101), во многократномъ видѣ не бываетъ. Это глаголы неопредѣленно-кратные, происшедшіе отъ многократныхъ присовокупленіемъ предлога, какъ говоритъ самъ авторъ въ § 382.

111. Въ § 383 подлежащее опредѣляется такъ: «*Когда*, въ предложеніи, выражается соприкосновеніе «мысли съ предметами, то предметъ, съ которымъ «мысль приводится въ связь, и которыхъ *мыслится* (?) «бытіе, дѣятельность и качественность, составляютъ «подлежащее (subjectum).» Къ чему здѣсь условіе: *когда*? Развѣ предложеніе, какое бы оно ни было, можетъ существовать безъ *мысли* о предметѣ?

112. Въ § 388: «Предложенія, выражаемыя безличными глаголами, называются также безличными. Такъ «изображаются нѣкоторыя явленія природы и состояніе «нашего духа.» А *спится*, *икается*, *тошнитъ*, *першитъ*, *какъ аукнется*, *такъ и откликнется*, что это: явленія природы или состояніе нашего духа?

113. Достойно замѣчанія еще, что въ § 392 авторъ говоритъ: «При подлежащемъ, выраженномъ неопредѣ-«леннымъ (т. е. неопредѣленнымъ наклоненіемъ гла-«гола), сказуемое прилагательное ставится въ среднемъ «родѣ ед. ч.: *сладостно* умереть за государя и оте-«чество.» Это не прилагательное, а нарѣчіе, и нарѣчіе потому, что оно относится къ глаголу (*умереть*). Ссылаюсь на § 260 этой же книги. И въ слѣдующемъ § 393 та же ошибка. Въ предложеніи: «умъ

хорошо, а два *лучше*,» *хорошо* и *лучше* суть нарѣчія, относящіяся къ подразумѣваемому глаголу *есть* и *суть*.

114. Съ § 408 начинается глава объ управленіи падежей, т. е. объ употребленіи падежей, слѣдующимъ опредѣленіемъ: «Винительный падежъ означаетъ пред-«метъ страдательный, на который переходитъ дѣй-«ствіе подлежащаго въ направленіи по вопросу *куда*.» Приведу примѣръ дѣйствительнаго глагола изъ § 400: «Я читаю *книгу*.» Какой здѣсь вопросъ *куда?* Что значитъ: *куда* читаю?

115. Въ § 409 въ исчисленіи предлоговъ, требующихъ винительнаго падежа, показаны только два: *про* и *на*. Ихъ гораздо больше: *за* (за гору), *подъ* (подъ гору), *въ* (въ гору), *объ* (объ стѣну), *съ* (съ корову). Не знаю, почему они исключены. Не потому ли, что они требуютъ и другихъ падежей (за горою, въ горѣ)? Но и приведенный авторомъ предлогъ *на*, сверхъ винительнаго, требуетъ еще предложнаго: *на гору* и *на горѣ*. Замѣчательно еще, что авторъ исчисляетъ предлоги только при винительномъ падежѣ; при другихъ же падежахъ не говоритъ о нихъ ни слова.

116. «§ 410. Родительный падежъ *показываетъ* пред-«метъ, условливающій дѣйствіе подлежащаго, отъ того «при немъ обозначается направленіе на дѣйствіе подле-«жащаго.» Въ примѣръ приведено: «Патріархъ уставилъ всегда и во всемъ *слушаться указа царскаго и приговора боярскаго*. Годуновъ, какъ бы не страшась Бога, тѣмъ болѣе *страшился людей*.» Какимъ образомъ здѣсь родительный падежъ условливаетъ дѣйствіе подлежащаго? Въ словахъ: «слушаться *указа*, *приговора*, страшиться *людей*,» имена *указъ*, *приговоръ* и *люди* ни мало не условливаютъ дѣйствія лицъ: патріарха и Годунова.

117. «§ 413. Дательный падежъ выражаетъ предметъ «*дѣйствующій*, который дѣйствію подлежащаго отвѣ«чаетъ своимъ дѣйствіемъ; поэтому дательный собственно «падежъ лица, показывающій обособленіе или ограни«ченіе понятія, часто низведеніе его до недѣлимаго «Свой «*своему* по неволѣ братъ.» Не понимаю, какимъ образомъ предметъ, коего наименованіе употреблено въ дательномъ падежѣ, есть дѣйствующій, и отвѣчаетъ дѣйствію подлежащаго своимъ дѣйствіемъ. Напримѣръ: «Ѳома завидуетъ *Ѳедору*.» Какимъ дѣйствіемъ Ѳедоръ отвѣчаетъ на дѣйствіе Ѳомы? Развѣ тѣмъ, что онъ существуетъ, но это дѣйствіе раздѣляютъ съ нимъ всѣ предметы во всѣхъ падежахъ и послѣ всѣхъ возможныхъ глаголовъ.

118. Заключаю разборъ главы объ управленіи словъ замѣчательнымъ опредѣленіемъ: «§ 424. Обстоя«тельствомъ называется *предметъ*, выражающій или «мѣсто, или время, или образъ и причину бытія дѣя«тельность или качественность.» Если обстоятельство есть предметъ, то и слова: *здѣсь*, *тамъ*, *вчера*, *никогда* суть предметы, а ихъ названія имена существительныя.

119. Въ главѣ III авторъ говоритъ *о силѣ рѣчи* и *словорасположеніи*. Здѣсь смѣшаны два совершенно разные предмета: удареніе логическое или риторическое, и размѣщеніе словъ въ предложеніи. Если ужъ хотѣли говорить объ удареніи, ученіе о немъ слѣдовало помѣстить послѣ правилъ размѣщенія словъ, потому что оно дополняетъ эти правила. И вообще правила размѣщенія словъ, очень важныя въ изученіи и употребленіи языка, изложены здѣсь безъ всякаго порядка, безъ взаимной связи, безъ постепенности.

120. «§ 459. Словорасположеніе, какъ и удареніе, «показываетъ единство и силу членовъ предложенія въ «отдѣльныхъ ихъ отношеніяхъ и въ совокупности. Един-«ство членовъ опредѣляется сопоставленіемъ ихъ, а сила «послѣдованіемъ одного за другимъ.» Не понимаю этого параграфа. Что значитъ *единство* членовъ предложенія? Единство ли ихъ какъ частей предложенія, то есть нѣсколькихъ подлежащихъ и нѣсколькихъ сказуемыхъ, или единство слова съ его опредѣленіями и дополненіями (*бѣлый листъ*, *грохотъ грома*, *громко говоритъ*, *скажи правду*, *пишетъ письмо)?* И какимъ образомъ словорасположеніе, то есть размѣщеніе словъ, можетъ выражать *единство*, какое бы оно ни было? Авторъ, въ § 455, сказалъ, что *силою* рѣчи называется повышеніе или усиленіе голоса надъ тѣмъ членомъ предложенія, которому необходимо придать большую *силу* и высшее значеніе. Слѣдственно сила есть то же, что удареніе: какъ же *удареніе* выражаетъ *силу*, то есть *удареніе* же? Положимъ, что единство членовъ (котораго я впрочемъ не понимаю) опредѣляется *сопоставленіемъ*, но какимъ образомъ сила, то есть удареніе, выражается *послѣдованіемъ* одного члена за другимъ? И можно ли противополагать сопоставленіе послѣдованію? Нѣтъ возможности *сопоставить* члены въ рѣчи такъ, чтобъ одинъ не *слѣдовалъ* за другимъ.

121. Въ § 464 сказано: «Иногда, для силы и жи-«вости рѣчи, на первомъ мѣстѣ ставится дополненіе: «Что слышимъ? что видимъ, Россіяне? *Петра Вели-*«*каго погребаемъ*.» Примѣръ выбранъ неудачно. Въ первыхъ двухъ фразахъ дополненіе *(что)* поставлено впереди, потому что таковъ порядокъ всѣхъ вопросительныхъ предложеній. Въ послѣдней глаголъ поставленъ

въ концѣ, какъ отвѣтъ на главный пунктъ вопроса. Если бъ спросили: *кого* погребаемъ? отвѣчали бы: «Погребаемъ Петра Великаго.» Но на вопросъ: *что* слышимъ? *что* видимъ? слѣдовало выставить не предметъ, а дѣйствіе, и потому это дѣйствіе поставлено въ концѣ предложенія. На вопросъ: «что ты *читаешь?*» отвѣчаю: «*читаю сказку*.» Но когда спросятъ: «что ты *дѣлаешь?*» дамъ въ отвѣтъ: «*сказку читаю*.» И въ этомъ случаѣ вовсе не думаешь придавать рѣчи силу и живость, а говоришь такъ по требованію смысла. Здѣсь дѣло въ томъ, которое слово должно поставить въ *концѣ*, а не въ началѣ предложенія.

122. Въ § 462 авторъ говоритъ: «Словорасположеніе «логическое обыкновенно ставитъ на первомъ мѣстѣ «предложенія подлежащее, на второмъ сказуемое, на «третьемъ дополненіе; опредѣлительныя слова должны «стоять при своихъ опредѣляемыхъ. Екатерина II «(1) любила (2) Русскій Языкъ и Русскую Исторію «(3).» Очень хорошо и справедливо. Но вотъ что приводитъ меня въ затрудненіе. Въ § 460 сказано: «Поставленіе объясняющаго члена подлѣ объясняе«маго и послѣдованіе подчиняющаго за подчинен«нымъ есть общій и главный законъ словорасположе«нія въ предложеніи.» Соглашаюсь, что объясняющій членъ долженъ стоять *подлѣ* объясняемаго, но какъ можно утверждать, чтобъ общимъ и главнымъ закономъ словорасположенія было послѣдованіе подчиняющаго за подчиненнымъ? По этому правилу, предложеніе, приведенное въ § 462, слѣдовало бы расположить такъ: «Русскій Языкъ и Русскую Литературу любила Екатерина II.» А почему? Потому, что подчиненныя слова *Русскій Языкъ* и *Русская Литература* должны, на основаніи

этого правила, итти предъ подчиняющимъ ихъ словомъ *любила*, а подчиненное слово *любила* предъ подчиняющимъ словомъ *Екатерина II*. Это продолженіе сбивчивости, замѣченной мною выше (въ статьяхъ 101 и 102). Видно, авторъ не отдалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что такое члены управляющій и управляемый въ рѣчи.

123. Въ § 465 сказано «Если при сказуемомъ «связь выражается глаголомъ *быть* или *стать*, то она «занимаетъ мѣсто между подлежащимъ и сказуемымъ.» Да развѣ можетъ быть связка, состоящая не изъ глаголовъ *быть* или *стать*?

124. Въ § 473 (которымъ начинается ученіе о предложеніяхъ сложныхъ) авторъ говоритъ: «Названія пред«метовъ заимствованы отъ ихъ дѣйствій и качествъ; по «этому въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ «можно распознать глаголы, отъ которыхъ они произ«ведены. Изъ сего слѣдуетъ, что *каждый* членъ пред«ложенія, выраженный именемъ существительнымъ «или прилагательнымъ, прежде долженъ быть мыслимъ «самостоятельно какъ глаголъ, въ формѣ предложенія.» Какъ рѣшить эту задачу? Примѣромъ. «Каменный домъ стоитъ сто тысячъ рублей.» Кажется, это предложеніе, но какіе глаголы найдемъ въ корняхъ словъ: *каменный*, *домъ*, *сто*, *тысячъ*, *рублей?* Авторъ возглашаетъ это правило рѣшительно и безусловно, слѣдственно оно должно быть примѣнимо ко всякому предложенію. У него приведенъ примѣръ: *три клада въ сей жизни были мнѣ отрада*, съ именами *отглагольными*. Это случайность, натяжка, а отнюдь не общее правило. Такимъ образомъ изъ предложенія: «*эта наша дача была продана два раза*,» можно вывести, что всѣ русскія слова кончатся на букву *а*.

125. Въ изложеніе отличій и свойствъ предложеній простыхъ и сложныхъ, главныхъ и придаточныхъ, авторъ не можетъ ввести порядка, оттого что выпустилъ изъ виду законъ, по которому признакомъ предложенія служитъ глаголъ, высказанный или подразумѣваемый. (См. выше.) Онъ говоритъ въ § 474: «Предло-«женія, которыя составляютъ какой либо членъ дру-«гаго предложенія, называются придаточными, а то, «въ которомъ придаточное служитъ членомъ, есть «главное предложеніе.» (Не позволительно опредѣлять сначала частное, а потомъ цѣлое, главное.) «Выра-«женіе же мысли, въ которомъ входящія въ составъ «ея понятія, имѣютъ форму придаточнаго предложенія, «называется предложеніемъ *сложнымъ*.» А въ § 349 сказано, что предложеніе, состоящее изъ одного подлежащаго и одного сказуемаго, называется простымъ, потому что составляетъ одно сужденіе; предложеніе же, въ которомъ находится болѣе одного сужденія, называется сложнымъ. И это опредѣленіе было ошибочное, какъ доказано выше (100). Въ послѣднемъ же еще менѣе смыслу. Если присовокупленіе предложенія придаточнаго необходимо для составленія сложнаго, то составное изъ двухъ главныхъ (напримѣръ: «Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе») не есть сложное, потому что въ немъ нѣтъ придаточнаго.

126. Въ главѣ IX о періодѣ, въ § 518, періодъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «Періодомъ называется «выраженіе ***умозаключенія***. Въ немъ среднее понятіе «или средній терминъ логическій, опредѣляетъ отно-«шеніе сказуемаго къ подлежащему главнаго предложе-«нія. Безъ средняго понятія предложеніе, какъ бы ни

«было распространено, останется предложеніемъ; напро-
«тивъ, два краткія предложенія при среднемъ терминѣ
«могутъ составить періодъ. Періодъ есть совершен-
«нѣйшая форма рѣчи: въ ней (?) мысль достигаетъ пол-
«наго своего развитія. Вотъ періодъ, составленный
«изъ энтимемы: «Искусства и науки необходимы, ибо
«они суть плодъ природныхъ склонностей и даро-
«ваній человѣка, и соединены съ существомъ его, по-
«добно, какъ дѣйствіе соединяется съ причиною, т. е.
«союзомъ неразрывнымъ. *Карамз.*» Здѣсь средній тер-
«минъ въ словахъ: всякій плодъ склонностей и даро-
«ваній человѣка *необходимъ.*»

Въ первый разъ отъ роду слышу, что періодъ есть выраженіе умозаключенія, или силлогисма, то есть сужденія, составленнаго изъ трехъ предложеній, изъ которыхъ два служатъ доказательствомъ третьему. Этому опредѣленію противорѣчитъ математика, потому что періоды могутъ состоять изъ четырехъ, изъ трехъ, изъ двухъ и даже изъ одного члена. Въ примѣръ періода, заключающаго въ себѣ умозаключеніе, авторъ приводитъ *энтимему* *, то есть такой силлогисмъ, въ которомъ нѣтъ средняго члена, слѣдственно силлогисмъ неполный, исключеніе изъ общаго правила. Притомъ, признаюсь, я не ясно понимаю смыслъ предложенія, которое онъ вноситъ въ періодъ, для того, чтобъ придать ему *видъ* умозаключенія: «*Всякій* плодъ склонностей и дарованій человѣка необходимъ.» Слѣдственно и *вредный* плодъ? Прибавленіемъ новыхъ предложеній можно сдѣлать силлогисмъ изъ всякой фразы; напримѣръ, вмѣсто: «*прохлада въ жаркій день пріятна,*» можно

* Слѣдовало бы объяснить или опредѣлить слово *энтимема*, равно какъ и употребленное въ § 521 *эпихерема*.

сказать: «*Жаръ непріятенъ, въ прохладѣ не такъ жарко, слѣдственно прохлада пріятна.*» Далѣе авторъ приводитъ, въ числѣ примѣровъ, періодъ: «Искусства и науки дѣлаютъ душу чувствительнѣе и нѣжнѣе, обогащаютъ сердце наслажденіями, и возбуждаютъ въ немъ любовь къ порядку, любовь къ гармоніи, къ добру, слѣдовательно ненависть къ безпорядку, разногласію и порокамъ, которые разстроиваютъ прекрасную связь общежитія.» Гдѣ тутъ не только части силлогисма, но и члены періода? Это предложеніе сложное, по числу глаголовъ, имѣющихъ одно общее подлежащее: «*искусства и науки*, и можетъ назваться простымъ періодомъ, вопреки нашему автору, который, въ § 525, утверждаетъ, что въ періодѣ не можетъ быть менѣе двухъ членовъ. Не спорю, что въ періодахъ *могутъ* быть силлогисмы и нерѣдко бываютъ, но вообще этого не требуется.

127. Въ третьй части излагается *Правописаніе*. Здѣсь, въ самомъ концѣ Грамматики, показаны число и порядокъ буквъ нашей азбуки! И здѣсь авторъ сообщаетъ только легкіе намеки на происхожденіе нашего алфавита, не сравнивая его вполнѣ ни съ какимъ другимъ. Изложеніе этой части Грамматики очень сбивчиво оттого, что авторъ не отдѣлилъ правилъ правописанія отъ правилъ произношенія: тѣ и другія правила сталкиваются, и затемняютъ главное дѣло.

128. Въ § 584 авторъ начинаетъ изложеніе свойствъ и употребленія знаковъ препинанія, объясняетъ что такое точка, запятая и т. п., забывъ, что уже за сорокъ параграфовъ до того (§ 526) толковалъ объ употребленіи знаковъ препинанія въ періодѣ.

129. Не понимаю, почему авторъ (въ § 536), до-

пуская правописаніе *Россіянинъ*, требуетъ, чтобъ писали *Азіатецъ*, *Персіанинъ*. Въ § 537 онъ говоритъ, что «въ мѣстоименіи *ся*, *я* безъ ударенія произносится какъ *а*, напр. *стараться*, вм. *стараться.*» Во-первыхъ, слогъ *ся* безъ ударенія произносится вообще *ся* или чаще сокращается въ *сь* (*боюся*, *боюсь*); во-вторыхъ здѣсь произношеніе измѣняется оттого, что предшествующія согласныя (*т* и *с*), соединившись, составляютъ букву *ц*, не терпящую за собою буквы *я*, и въ-третьихъ, это слово произносится не *стараться*, а *старатца*.

130. Въ § 538 говорится о томъ, что въ окончаніи словъ (т. е. въ послѣднемъ слогѣ) *е* безъ ударенія произносится какъ *и*, когда имѣетъ за собою еще согласную: *кусочикъ*, *чашичка*, *малинькій*, вм. *кусочекъ*, *чашечка*, *маленькій*. Во-первыхъ, буква *е*, въ окончаніи многихъ словъ произносится и какъ *е*, напримѣръ: *ситецъ*, *братецъ* и т. д. Во-вторыхъ, предложу легкій способъ узнавать букву *е* (уже упомянутый мною выше, 41): она въ этомъ случаѣ обыкновенно бываетъ бѣглою, то есть въ склоненіи теряется (*кусочка*), и въ уменьшеніи слова вставляется: *чашка*, *чашечка*, *маленекъ*. Но буква *и* не теряется; напримѣръ: *носикъ* *носика*, *старикъ*, *старика*.

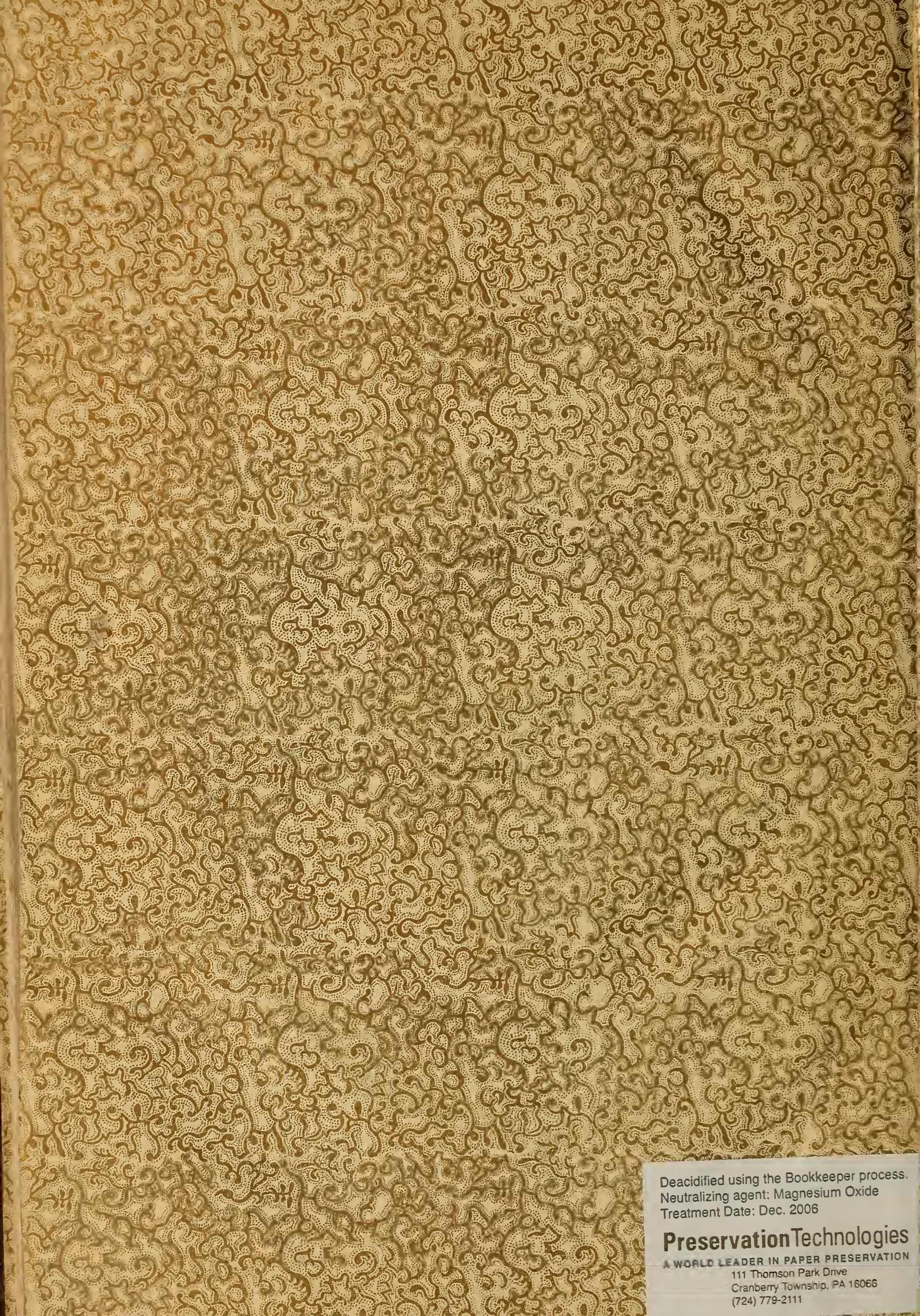
131. Достойно замѣчанія, что въ Общесравнительной Грамматикѣ встрѣчаются неправильности и ошибки, именно въ спряженіи глаголовъ, противъ правилъ, изложенныхъ самимъ авторомъ. На стр. 326: «ложкой «кормитъ, а стеблемъ глазъ *колитъ*, вм. *колетъ*;» на стр. 373: «И *пышетъ* (вм. *пышитъ*) ратникъ боемъ.» Это не опечатки, потому что такъ напечатано во всѣхъ трехъ изданіяхъ этой книги.

Я могъ бы еще многое замѣтить въ разсматриваемой мною книгѣ, но полагаю, что, для оцѣнки ея, довольно и приведеннаго мною.

О приложеніи къ книгѣ *(Объ отличительныхъ свойствахъ Русскаго Языка)* не говорю, потому что это не принадлежитъ къ собственной грамматикѣ.

Теперь слѣдовало бы составить общій выводъ изъ сдѣланныхъ мною частныхъ замѣчаній, показать, до какой степени авторъ исполнилъ предлежавшее ему дѣло, и опредѣлить достоинство его творенія. Считаю лучшимъ предоставить это читателямъ: я свое сдѣлалъ.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

